

Изредка он даже ограничивался тем, что воспроизводил сухие записи бортовых журналов. Как он правильно поступил, спрятавшись за материалом, приглушив в себе писателя. Ведь такие скупые рассказы и голые документы необыкновенно поэтичны и волнительны. Почему люди так глупы, что вечно стараются приукрасить действительность, которая столь прекрасна сама по себе? Если когда-нибудь эти моряки возьмутся за перо, возможно, они будут корпеть над скверными романами и скверными стихами, не подозревая, какие сокровища у них в руках...

Антуан де Сент-Экзюпери.
Предисловие к книге Энн Мороу-Линдберг
«Поднимается ветер»

об-цобэ, тряский тарантас моей памяти! Вперед, дорогой, вперед! Кадр за кадром, картинка за картинкой, словно извлекаемые из сейфа документы, вживую, при полном ощущении лиц, силуэтов, голосов наплывают воспоминания, казалось бы, давно минувших и напроць позабытых дней. Ан нет! Никто не забыт... Перебирая после капитального ремонта на антресолях квартиры архивные залежи, в самом дальнем уголке ниши выудил я картонную коробку из-под обуви московской фабрики «Скороход», битком набитую письмами старых моих друзей по школе, техникуму, солдатской

службе... Листочки, бедные, под давлением лет тесно спрессовались в тугие пачки, но все они — разноцветные, разномастные, разноформатные — тетрадные, блокнотные, альбомные, конечно же, тронутые морщинками времени, легким тленом за более чем полувековой срок давности, но вполне сохранившие мальчишеские исповеди (письмо ль — не исповедь?), выполненные синими, фиолетовыми, черными, а некоторые, но таких мало, два-три, красными, как сукровица, чернилами, все схожи датами: шестидесятые годы прошлого века. Тогда-то и подумалось: а почему бы, следуя заветам любимого мною Антуана де Сент-Экзюпери, не дать слово самим этим документам? Пусть они заговорят голосами друзей. Документы не соврут, ничего не приукрасят и лучше иного беллетриста передадут атмосферу тех лет, точнее любого художника нарисуют портреты моих современников. А начну я этот рассказ, пожалуй, с самого близкого друга.

* * *

Иван Кольцов... Вообще, он мог бы в армии и не служить, красавчик с иконописным лицом Олега Стриженова из культового фильма тех лет «41-й». Точности ради — с личиком, чуть-чуть подпорченным косым шрамом в подглазье, следствием школьной шалости, когда вздумалось Ваньке и другу его Жорке Атоянцу забраться в подвал для проверки на собственном опыте, произойдет ли взрыв смеси карбида с водой при соитии веществ в стеклянной банке... Для Героя Советского Союза, папы Ивана, тоже Ивана, только Матвеевича, гвардии полковника запаса, летчика-штурмовика, сбившего на войне семь самолетов противника в воздухе и сжегшего 22 «хейнкеля» и «мессершмитта» на земле, уничтожившего 20 танков и автомобилей с фашистами, 70 автомобилей с войсками и грузами (данные из Википедии!), не составляло никакого труда зайти к кому надо, переговорить с кем надо... И гуляй, Ванька, на свободе, наслаждайся волей, размножайся и дальше, к чему вполне готова молоденькая твоя жена, уже вынашивающая первый плод вашей любви. Между прочим, именно плод, как результат длительного шефского участия студентов техникума в сборе урожая кукурузы на полях крестьянского хозяйства «Червоный прапор», тут же переименованного нами в «Червоне дышло».

Две группы первокурсников — будущих строителей и монтажников — целый месяц жили той осенью в спортивном зале, жарко отапливаемом тремя печами школы черноземного села Остролучье, где единственный на двести или триста дворов черно-белый телевизор (не забывайте, шел всего лишь 1961 год) мерцал по вечерам только в саманном клубе с гниловатым дощатым крыльцом и облупившейся до дранки штукатуркой на стенах. В местном магазине (крамнице) большую часть торговой площади занимали метлы, сорговые веники — изделия местных умельцев — и заводские колуны, огромные стальные колуны с березовыми, кленовыми, вязовыми топорищами, лишний раз подтверждая, что ручной труд у нас куда как в большем почете, чем механизированный.

На прилавке горькой дыбились подозрительно вздутые жестяные банки с выцветшими этикетками рыбных консервов «Частик», Бычки» и «Килька в томатном соусе». В мутноватой вазе прочно склеились дубовые пряники (по-деревенски «жамки») «Весенние». И привлекало всех любителей вечерних развлечений занимающее центральное место на стеллаже, обманчиво алое, почти что пурпурное вино «Червоне мицне», от которого в первую же его дегустацию в клочья рвало всех пацанов поголовно. А девушки ту сомнительную жидкость, годную для покраски заборов, благоразумно пить не стали; морщась, как от зубной боли, сострадательно смотрели, как давились «червивкой» мы, юноши со взором горящим... И еще выпить — без тостов, под краткое «Ну, давай!» и «Поехали, пока за

нами не приехали!» — это так по-взрослому! Загрызть плавленным сырком с трудом принятое желудками, не привычными к пойлу-винищу, и, глупо смеясь над самими собой, деланно пошатываясь, отправиться в культпоход по деревне в полной темноте мимо закрытых на все ставни и все запоры хаток под соломенными стрехами, угрожающе распевая «По деревне мы идем, чикаем да брякаем, кому окошко разобьем, кому дитя сварнякаем». Это такая разинская вольница, такая всесокрушающая сила вседозволенности, упоения своим собственным всемогуществом, с которым ничто не может сравниться. И... и... ик... и никто, понятно, никто, не запретит нам гулять, братва — ни бог, ни царь и ни герой, ни даже главный наш «руководитель полетов» — физрук. Кстати, бывший школьный учитель физкультуры, перебравшийся после женитьбы на нашей однокласснице, красавице Маше Гридневой из школы заведовать физкультурой в строительномонтажный техникум — наше среднее специальное учебное заведение, опекаемое папой Машеньки, ставшем после хрущевского разделения обкомов партии на сельские и городские руководителям промышленного отдела.

Пылких Ромео от страстных Джульетт что могло отделить по ночам в обшарпанном спортивном зале Остролученской неполной (то ли начальной, то ли семилетней) средней школы? После объявленного физкультурником отбоя (сам он спешил к продавщице), кто мог уследить в крошечной тьме за сладкими парочками, если слабенькая автономная электростанция — «динама» — вырубалась на ночь, и лишь один подслеповатый фонарь с лампочкой, мощностью не более сорока ватт, помаргивал только у конторы правления «колгоспа» и еще такой же «прожектор» светил у дома «головой» (председателя) «Червоного дышла». Но под фонарь кто пойдет светиться? Разбегались-разбрелись по ближним кустам и посадкам от хилых проблесков маячков подалее, кто куда может, чтобы и звука не слышать.

А на другое утро главное задание было всем без разбора — умытым, не умытым, заспанным, зас..., любовью замученным и любви не полученным, проглотить на полевом стане по миске комковатого картофельного пюре с жирными кусками прошлогодней кабанятины, запить чудовищное варево сладким чаем с жалкой скибочкой ситного хлеба и отправляться пешим строем всем до единого на отбытие трудовой повинности в поле. Точнее, на закрепленную за каждым звеном кукурузную ниву, где, будь она неладна, видно лишь начало, но за высокими зелеными стеблями с лохматыми початками не видно конца. Голыми руками лемать холодные, влажные с утра, хрустящие волосатые початочки, предназначенные для коровьего лакомства, грузить янтарные гранаты в просторные мешки-чувалы, тащить их, упираясь друг в друга, к весовой, на сдачу, выполняя дневную норму из расчета два центнера на человека — дело непростое и нелегкое.

Ванька Кольцов и придумал тогда для ускорения темпов индустриализации и повышения плановых показателей (все же третий курс, мы уже учили сметы и нормирование!) загружать на дно чувала вначале трехпудового малыша — Витьку Ефименку, а затем такую же малышку Юльку Антонову, накидав на них сверху богатый кукурузный урожай. Наш опыт быстренько переняли и другие звенья. Обман вскрылся не сразу. Но вскрылся, когда из очередного чувала, вытряхнутого по приказу «головой» прямо на землю, рядом с весами, выпал, зажимая руками башку от возможных ударов, живой еще, но заметно смущенный Витька.

Колхозники от зрелища такого чуда с перьями просто онемели. Физрук, вспомнив свою спортивную походку, развернулся да рванул классикой, растопырив локти, от греха подалее. Пошел, пошел чесать вдоль по Питерской, удаляясь в сиреновой дымке до полного растворения. Ужас! Вспоминать тот международный скандал не хочется и поныне.

В общем, ни сбивчивые Ванькины просьбы, ни красноречивое молчание и тя-

желые вздохи верной жены боевого летчика, ни горючие слезы юной невестки никакого воздействия на папу и мужа, Ивана Матвеевича Кольцова, не возыме-ли. Настоящий полковник, командир боевой десантной эскадрильи из состава 70-го гвардейского штурмового авиационного полка, выслушав все обращенные к его сознанию пламенные речи родственников, ответ дал один: «Не фронт. Не в окопе ему жопу морозить. Послужит!» Спорить с философией грозного воина было бесполезно.

Противопоставить огневому натиску штурмовой авиации «бедным» членам семьи было нечего. И мой однокурсник, чемпион города по настольному теннису, футболист, мелкий хулиган Ванька, после бурных проводов, душераздирающей застольной песни под занавес «До свиданья, мама, не горюй, на прощанье сына поцелуй» первым из пацанов нашей «кукурузной» группы загремел «под фанфары»... Наказав всем грустным провожающим, высунувшись из окна прокуренно-го новобранца вагона, обязательно отвечать на его письма, иначе вернется после дембеля и... Угроза рядового Ивана Кольцова по возвращении из армии поотрывать всем, кто его подведет, некие причиндалы, вызвала особенный взрыв сме-ха у девушек. И клятвенные заверения мужской хмельной компании обяза-тельно писать по письму в день. Но это уже давно проверено, давно доказано: чем ис-ступленнее бьет себя в грудь обещающий, тем меньше веры в исполнение его обе-щаний...

Тягучие минуты до отхода поезда трудно с чем-то сравнивать. И все мы были в том отвратительном состоянии, которое наступает всегда, когда провожающие и отъезжающие уже не по одному разу обнялись, обхлопали плечи, расцеловались, простились, дали друг другу последние наказы и наставления, выслушали ответ-ные, тут же забытые в силу своей необязательности слова. Но поезд, не внемля скрытным пожеланиям провожающих «Скорее бы ты скрылся с глаз!», словно выполняя детскую команду «Замри!», упрямо продолжает стоять. И прижимают к глазам мокрые носовые платки мамы рекрутов. Одну за другой прикуривают и покуривают, деланно покашливая, папы. Кривовато улыбаются, стараясь надол-го запомнить дорогие черты родителей, сыновья. И неотрывно смотрят в лица молодых мужей их юные жены; вон и Юлька Антонова, с недавних пор Кольцова, не сводит с Ивана глаз, все что-то шепчет, понятное лишь им двоим. Наверное, об их двухлетней малышке — Светике, Светуле, Светунце, пообещавшей ждать папу вместе с мамой, считая каждый день на календаре...

А мы, пацаны, которым армейская «свадьба» светит кому через год, кому, как мне, почти через два, думаем свое: кто и как нас-то будет здесь провожать?

Как и следовало ожидать, после сонма хмельных клятв и слезных заверений гомонящей толпы завалить Ваньку письмами, отвечал ему из всех друзей-товари-щей только я. Еще, понятно, жена Ваньки, его родители. А он писал часто.

Привет из Овруча!

Здоров, Балеропсан! Как там ведет себя мой Жора? Служу я на территории Прикарпатского военного округа в Житомирской области. Вы там все гуляли Октябрьские, как бельевые люди, а я — как заключенный. Вы все 7 ноября спали сколько хотели, а я бегал кросс на пять км с 6-30 утра. Жратва ужасная, первые дни я даже кроме чая ничего не ел. 7 ноября нам дали праздничный обед, ту же самую муйню, только добавили по 1 пончику, причем, сырому. Служу в сильном боевом гвардейском полку первой линии в войсках ПВО 8-й отдельной армии, командующий которой генерал-лейтенант Покрышкин. В карантине проходим курс молодого бойца, держат всю дорогу под надзором. Выпить невоз-можно, но благодаря моей смекалке и дешевым сержантам, которые продаются за стакан вина, я умудрился, так сказать... В увольнение нас не пускают, пока

присягу не примем. Спортот заниматься не дадут, да и не с кем — здесь в основном черные, кавказцы. А наших пацанов раскидали кого куда: Витька Ефименко попал под Курск, в радиотехнические войска, а со мной — и то в хозбатальоне — остались только два пацана из нашего техникума, видимся с ними в столовой.

Балеропсан, пишу тебе на политзанятиях, больше нет времени писать. Кино показывают два раза в неделю, и то такую муйню, что видел в 5-м классе. В общем, завал полный. Передавай привет всем нашим босякам и пусть Жора напишет. С приветом, Ваня. 27.X.62г.

Вот тебе и Жора Атоянц, думал я тогда. А ведь был ближайший Ванькин друг, всегда они вместе в теннис шпилили, вместе на танцы ходили, вместе вино пили. Жора даже свидетелем на Ванькиной свадьбе был. Что это он? Да! Еще и дурачились они вместе, однажды из техникума оба чуть не полетели. Это когда два балбеса купили в аптеке нашатырный спирт, целый флакон, с ним пакет ваты и повели охоту на девчонок. Спрячутся на первом этаже за колонной в темном уголке и выжидают. Ничего не подозревающая жертва пробегает мимо — в столовую или туалет — путь там один, Жора сзади хватъ ее за плечи, а Иван — обильно смоченный нашатырем ком ваты под нос — тырс. От испуга и едкого удара нашатыря в нос у девчонки чуть ли не судороги, из глаз слезы льются, а эти два дуба вне себя от радости — пляшут, кривляются, заходятся в смехе... Ну, Нина Филипповна, наша классная дама, прознав забавы теннисистов, устроила им холодное лето шестидесятого...

Привет из Овруча!

Здоров, Балеропсан! Пишу на самоподготовке, времени нет, страшное дело. Присягу еще не приняли и гоняют нас в хвост и в гриву. Привет Жоре и нашим всем пацанам. Валера, возьми у Вадима-фотографа мои снимки со свадьбы и вышли мне, сколько даст... 7.XII.62.

Привет из Овруча!

Служба идет по-старому, но я уже начинаю немного привыкать. Спасибо за фото. Я обещал Нине Филипповне написать, но, знаешь, как подумаю, что ей писать, так и руки не берутся, ведь я, бляха, всю жизнь пишу с ошибками, она меня совсем засмеет. Кого куда раскидали, не знаю, нас же дальше уборной не пускают, а если вылезешь за проходную — сразу заштопают патрули. Изучаем самозарядный карабин Симонова, «СКС», готовимся к зачетным стрельбам. Я попал в группу радиомехаников, очень тонкая и ответственная работа. После подготовки самолета мы должны расписываться, и если что-нибудь случится в воздухе, откажет радио, считай, нам всем перец. Самое меньшее — 5 лет, в зависимости от судьбы самолета и летчика. Поэтому технические занятия — шесть часов в день по специальности. Привет всем нашим пацанам и бабам! Ты, наверное, даешь им читать мои письма? Я бы не хотел, пусть кое-что остается между нами. Я напишу, о чем. Пока — до свидания, желаю тебе разделиться с проектом. Ваня. 20.XII.62.

Нина Филипповна Белова... Вот кто был классическим образцом хрестоматийной партийной дамы. Секретарь партийного комитета техникума и преподаватель русского языка и литературы. Когда-то заканчивала педагогический институт в одной группе с моей сестрой, о чем позволила себе обмолвиться лишь четыре с половиной года спустя, на выпускном вечере. А до того никаких и ни с кем родственных, дружеских и приятельских связей для нее не существовало, никаких ссылок на прежних подруг не делала. Только деловые отношения с кем бы то ни было! Безупречно блюла порядок и дистанцию соблюдала.

Когда Н.Ф. читала вслух любимого Маяковского — напрягалась всеми фибрами души, как в транс впадала. И ее маленький бюст, надежно упрятанный под белой гипюровой кофточкой, ходил ходуном, глаза становились неотвратимыми пистолетными дулами и сжимались в один громящий кулак маленькие, незагорелые ее кулачки...

Партия —
бессмертие нашего дела.
Партия — единственное,
что мне не изменит...
Партия и Ленин —
близнецы-братья —
Кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем —
партия,
Мы говорим
партия,
подразумеваем —
Ленин.

Все шло хорошо и быть бы нашей Н.Ф. если не секретарем горкома КПСС по пропаганде, то уж заведующей отделом пропаганды и агитации — точно. Если бы не мама Нины Филипповны. Бывшая участница боевых походов «от Москвы до Бреста», всю войну прослужившая командиром аэростатного поста заграждения, она вернулась домой с такой блистательной армейской характеристикой и с такими наградами, от которых и у бывалых-то мужиков-фронтовиков в глазах мерцала зависть. Верткая, смазливая и егозливая Зинаида Павловна быстро определилась с местом работы: стала заведовать овощной торговой базой. Образование она имела не ахти какое, в активе только семь классов неполной средней школы (ничего, у Хрущева было вообще два класса ЦППШ), а потом война — курсы стрелковые, но снайпером не получилось, перевели на аэростаты... Куда же ей после войны было идти? На базу. А где база, там ходовой, не всегда ученный товар. А где левый товар, там шальные деньги. Где много денег — там прилипалы, дельцы прожженные, плюс вино да водка. Виница — море, гуляй и пой, императрица!

Зинаида Павловна, продолжая наивно верить в святость дружбы однополчан, предавалась вечерним застольям самоотверженно, порой до полной отключки сознания. Что мог бы подтвердить прежде всего самый верный ее друг, потерявший на войне левый глаз Степан Ярмач, работавший на овощной базе водителем кобылы — единственного вида гужевого транспорта в то послевоенное бедное-пребедное время. Летом на подводе, с обильно смазанными вонючим дегтем колесами, зимой на быстро летящих по заснеженной обочине, весело поскрипывающих санях, безропотный Ярмач развозил с утра до вечера по магазинам, киоскам, лоткам, в буфеты школ и столовые детских садиков капусту белокочанную свежую и в поварской посуде — квашеную, помидоры, огурцы — летом только с грядку доставленные, зимой — бочковые, соленые, морковь, свеклу, кабачки, баклажаны, именуемые в нашем городе «синенькими»... Получал накладные и возвращался на «точку», чтобы задать торбу овсяного корма коню, почистить его скребницей, водой напоить. И ждать вечера, сидя в конюшенной и слушая пьяные песни однополчан. А потом, уже под покровом ночи, везти пьяную в стельку начальницу — Зинаиду Павловну — к дочери, на их холостяцкую хату. Где Нина Филипповна выходила принимать «груз» молча, с окаменевшим лицом и обострившимися скулами.

В один зимний вечер, когда Ярмач болел и отлеживался дома с простудой, Зи-

наида Павловна побрела к себе, в свой край, без провожатых, одна-одинешенька. Шла и пела под высоким звездным небом, полущубок нараспашку, шаль сбита на затылок, черт ей не брат! Споткнулась не так уж далеко от дома, шагах в двадцати. И не просто споткнулась о замерзший приямок, а бухнулась на спину, как припечаталась к стальным прутьям арматуры. Попробовала повернуться, привстать — не смогла, побарахталась-покрутилась туда-сюда, пытаюсь хоть на локтях, хоть на четвереньках выбраться на тротуар, и... заснула. Да не просто заснула, а будучи под обильными алкогольными парами, прикемарила так упоительно, как спится только замерзающим людям, если их вовремя не растолкать. Но не было, не оказалось рядом ни прохожих, ни проезжих в тот поздний для обывателя час.

А время шло. И ночной мороз уже вовсю придавливал. Так и примерзла на решетках подвального приямка Зинаида Павловна. Улыбаясь в сладком забытье любимому ротному командиру Филиппу, обещавшему до самых последних дней войны взять ее с собой в Самару-городок. И они уехали бы в мае с берегов Влтавы на берега Волги, точно уехали бы, не случись злобно шваркнувшего немецкого снаряда в тот флигель за музейным зданием, где квартировал как раз назначенный начальником штаба полка ее любимый капитан...

Почерневшая от беды Нина Филипповна вообще сомкнула скулы намертво. Ходила вся в черном, воспаленные от бессонницы глаза — в пол, никого не замечая, ни с кем не здороваясь, страшная, как смерть. Даже преподаватели за ее спиной в открытую судачили: ну взяла бы отпуск на пару недель, куда-нибудь уехала бы, зачем в таком состоянии приходиться на работу, студентов пугать?

И тут подвернулись к ней с жалобами наши барышни, требуя наказания Ваньке и Жорке за их совсем не безобидные проделки с нашатырем. Что? Так издеваться над девочками? Безобразие! А куда смотрит комсомольское бюро группы, почему не дает принципиальной оценки хулиганским поступкам учащихся? Все. Вон обоих из техникума! Вон! Обоих! И пусть скажут еще спасибо, что под суд их не отдаю!

Еле-еле, после слезной мольбы мамы Жоры Атоянца, стоявшей перед нашей классной чуть ли не на коленях (в присутствии сына, позор!) и впервые, наверное, в жизни заявившегося за покаянием в техникумовский партком Ивана Матвеевича Кольцова — в полной полковничьей форме, с блеском орденов и сединой волос, — и влепившего сынку по морде так, что тот со стула упал, Нина Филипповна снизошла, смилостивилась над штрафниками. Долгое время ходили они потом по коридорам так смиренно, как, наверное, и послушники в монастырях не ходят — робко прижимаясь к стеночке, избегая насмешливых взглядов встречных. Дорого обошелся им ширь-пырь нашатырь...

Привет из Овруча!

Письмо, Валера, я твое получил, за которое благодарю, а пишу в очень мутном настроении. На душе, как никогда. Присягу приняли на прошлой неделе. А сегодня хожу, как прибацанный, проклинаю все на свете: вам-то Новый год встречать с томатом, а тут с автоматом, и не знаю, то ли в наряд меня запугают, то ли в караул... А погода — охрененный мороз и ветер лютый, а на аэродроме вообще гибель, продувает через теплое споднее до самого заднепроемного отверстия и выходит еще дальше сквозь тулуп и валенки. Потопаешь, как Дед Мороз, пару часиков на свежем воздухе — потом пальцы на руках не сгибаются, но хоть ты и околешь, старику-ефрейтору дела до нас нет. Он разводящий, вывел смену и бегом назад, в теплушку, свою женю греть, а салабоньки, мол, пусть как хотят...

Слушай, Валера, насчет проекта я понял, ты уж как-нибудь там прогнешься, знаешь, как я прогибался. Жаль, что продули вы химтехникуму в теннис,

меня там не было, я бы им всем дал прогуляться... Ну, ладно. Ты это... у меня к тебе будет такая просьба. Ты так это незаметно присмотри за моей жиночкой родненькой, как она там и с кем улыбается в ее концертной компании, понял? С ней не разговаривай, не спрашивай, так это, взглядом, вроде как зашел за кулисы по своим делам и кого-то ждешь там. И пусть это будет между нами. Узнай, если сможешь, где она будет петь и танцевать на Новый год, подчеркиваю, если сможешь, сам не набивайся, так, тихонечко... У Жоры выуди осторожно, они ж там в одной бражке гастролируют. Но чтобы и он не догадался, понял? Что узнаешь, сообщи мне. Смотри, осторожно! Жму лапу, письмо это уничтожь. Поздравляю тебя с Новым 1963 годом, желаю разделиться с проектом, успехов в житухе и подготовке к ратной службе! С приветом, Ваня. 29.XII.62г. Жду твой ответ, не задерживай.

Господи, лучше бы я не получал то письмо с фиолетовым треугольным армейским штемпелем в уголке белого конверта без картинки. И пусть бы я никогда в жизни не видел ту мопассановскую сценку, которую увидел, унижительно выслеживая, подсматривая и подглядывая за укромной парочкой, уединившейся в новогодний вечер за лестницей в полуподвальном закутке, где под замком хранились инструменты эстрадного оркестра саксофониста Жоры Атоянца... Ну, зачем мне чужие душевные муки, когда своих хватает? И что же мне прикажете делать — царапать бумагу впечатлениями, доводя до полного умопомрачения солдата, и так оторванного от любимой жены, с которой он и намиловаться-то как следует не успел? Представить только беспомощность парня перед реальной раскладкой сил: как он может вырваться из-за обнесенного ключей проволокой военного городка, расположенного за сотни километров от дома, в самоволку? И зачем, когда все уже, не зря ему мерещившееся, состоялось... Но я-то здесь при чем? Мне надо было крикнуть, засвистеть, напугать? Так днем позже они бы нашли другое место для свидания.

Годами позже, после армии, мне, мужу молодому, и самому приходилось переживать подобное, работая почти за тысячу верст от дома, на строительстве третьей нитки газопровода в Средней Азии. И входить в положение рабочего парня, машиниста автокрана, снедаемого до черноты лица мыслями об оставленной «без надзора» жене. Как же он просил, как умолял меня отпустить его с попутной машиной всего на трое суток туда и обратно, заверяя со слезами на глазах, что работает потом узаконенные прогулы, сутками не уходя с трассы... Не пойти навстречу мученику мог бы только законченный головорез. Взяв у машиниста (кстати, тоже Иваном звали) заявление с просьбой об экстренном выезде за свой счет — мало ли что могло случиться в дороге? — я отпустил страдальца восвояси. И что же? По приезде в родимую вотчину он тут же бросился в объятия к любимой жене? Притащил ей цветы, подарки, гостинцы? Соорудил поленицу дров и навел идеальный шик-блеск во дворе и на овощных грядках, прилегающих к их частному домику? Как бы не так.

— Слышь, командир, — посмеиваясь, рассказывал мне потом шофер мехколлонны, который попутным рейсом увозил домой и вновь привез на трассу Ивана. — Ох, и было кино! Представляешь, Отелло этот сошел у поворота, где межрайбаза, там еще километра три оставалось до города. А он пилил, как Котовский, огородами, чтобы никто не увидел, не узнал, что он втихаря домой прибыл. А кому он нужен? Мне? Да я и сам рулил, а свою думку думал, как Гальку на чердак затащу; в доме ребятни полно, две бабки ходят — ее мать и моя — скрипят, ворчат, туда-сюда шныряют, при них разве чего получится? А под крышей самый раз, она там белье после стирки развешивает. Ванька, значит, схоронился за гаражами, в бурьянах, моя актриса мимо шла, очумела, когда его там увидела... И вот он

день цельный там валялся, все выслеживал, с кем его чумичка утром на работу пойдет, с кем в обед домой возвратится, с кем вечером притопает. Ну не шибанутый, а? Что он там ел, что пил, кто его знает. Но день-деньской в засаде прокантовался, пока детвора его не обнаружилла. Они ж там всегда по гаражам в казаков-разбойников гоняют. Максим, сынишка Ванькин, первым отца увидел, забазлал... Так мы теперь Ваньку за глаза Отеллой зовем.

Он скрывает, думает, шито-крыто у него командировочка прошла. А то! Мавр какой... Шило в заднице не утаишь.

Привет из Бердычево!

(Именно так называет Иван в своем письме город Бердичев. Не зря, выходит, боялся он Нине Филипповне писать — осознавал свою «грамотность»).

Ты, наверное, удивишься, почему вдруг Бердычево? Об этом я тебе опишу немного ниже. Были мы сначала три месяца на полигоне в казахских степях, где алые маки цветут... ты понял? Общая отметка по стрельбам — отлично! Приехали туда, помню, к утру, попрыгали с машин, смотрим, а жить совсем негде, степь да степь кругом. Ну и давай палатки устанавливать. Ямы рыли на 70 см в глубину и не только себе, а и офицерам тоже. Утром было еще ничего, а часов в десять жара началась невозможная, а кругом степь и спрячется негде. Воды своей нет, привозная, и та ни в дугу, ни в Красную Армию, не годная, мутная и теплая. Вот эту несчастную воду нам давали по 1 фляге на сутки. Завал полнейший. Ночью от холода не согреешься, падает термометр до +2, +3, а днем от жары спасу нет, 50–55 градусов солнце нам наяривает. А еще, что самое страшное, смерчи и бураны. Два раза палатки срывало и несколько одеял утащило, всем дивизионом ходили искать по полю, ой, хохма. Жили по 9 человек, прилипали ночью друг к другу, как селедки, утром глаза откроешь — песок на палец толщиной намело. Но самое страшное, там очень много змей. Я лично штук семь убил. Много сусликов, а ночью комары грызут, они здоровые, как у нас мухи, а укусят — волдырище вскакивает. Причем, они, гляди, залазят в сапоги и там желят, у всех ноги были в волдырях, и сейчас еще на шее опухоли. Еле выбрались оттуда. А обратно ехали через станцию Казатин: поступила из Москвы телеграмма — получить новую технику и переадресовать наш дивизион в новый Бердычевский полк. Так что, Валера, буду служить в новом полку. Ничего, служба идет нормально, что ни день, то ближе к дому, ни на что не жалуясь, уже год почти оттрубил. А у тебя, салажонок, все это еще впереди, вспомнишь потом, как антоновские яблоки в саду пахнут... Еще что хочу сказать, все те три месяца были и офицеры с нами на полигоне. А теперь и их перегоняют в новый полк. А семьи их ждут, кто где. Квартир у них нет, в первую очередь казарму для солдат надо оборудовать, а потом офицерские дома строить... А меня еще батек, баллон мой дорогой, все гнал в военное училище, представляешь? И ведь чуть я не упорол дуру, хорошо, вовремя спохватился, а то бы тоже вот так всю жизнь песок глотал... Пиши побольше новостей и помни, что я просил! Не забудь, у меня новый адрес на конверте. Привет всем! Ваня. 5.VI.63.

Стоящий на реке с непрезентабельным названием Гнилопять город Бердичев меня мало интересует и до сих пор. Но вот Житомирская область, город Житомир... Как о нем не знать? Читали, брат, читали, знаем о том, что в скромном и тихом Житомире 30 декабря 1906 года родился будущий академик, генеральный конструктор советских космических кораблей, дважды Герой Советского Союза Сергей Павлович Королев. Человек-легенда, с ним же все связано одним словом — впервые: первый искусственный спутник Земли, первый полет Гагарина, первый

выход в открытый космос Леонова, первые межпланетные станции... Титан! Была бы у нас без него целая отрасль — космонавтика?

В ту идиллическую пору, когда в России и на Украине царили нерушимый мир, согласие и благополучие, когда деревья были большими, и на общем чумацком шляху спокойно соседствовали обочь дорог ростовские тополя и донецкие осоки, после полетов искусственных спутников Земли, а в преддверии космического путешествия человека — полеты собак Белки, Стрелки, Лайки (ее симпатичная мордень долго украшала потом пачки сигарет «Лайка»), в свет вышел компактный альбомчик кратких текстов и множества фотографий под названием «Дом-музей Королева», напечатанный тиражом 63 тысячи экземпляров в столице совершенно дружеской тогда Украины — городе Киеве. Спасибо тамошнему издательству «Мистецтво» («Искусство»).

Толмачить с украинского не хочу, не буду, только потому, что знаю: любой, даже самый талантливый перевод все равно теряет благоухающий аромат подлинника. И остаются на языке вместо вкуснейших вкусовых ощущений только сухие крупинки панировочных сухарей... Вы меня понимаете? Пусть же описание всего лишь нескольких решающих минут из жизни Генерального, нет, гениального (!) открывателя космической эры прозвучит именно так, как увиделись они тогда неведомому украинскому автору фотоальбома...

«Корольов, відгородившись коміром пальта від різкого осіннього вітру, прямував до ракети. Зараз почнеться заправка, евакуація людей і техніки. В бункері, за пультом, відчув себе певніше, мов не було ні важких ночей, ні температури й паморочливого головокруження. «Готовність одна хвилина!» — до цього він ішов п'ятдесят років свого життя, що вмістили весь практичний досвід вітчизняного ракетобудування. «Ключ на старт!», — і пригадалося все спочатку. «Пуск!» — і вже нічого в світі не існувало для нього, крім гримучої сонячної кулі, що на секунду затрималася для прощання з землею і поринула назустріч космосу. Прокідалася Америка, запалювала вікна Європа, закінчувався трудовий день у його рідному Житомирі. Світ ще не знав про початок нової ери — ери освоєння міжпланетного простору...»

Этот абзац посвящен самому памятному дню 1957 года — 4 октября, когда вышел на орбиту первый искусственный спутник Земли. Детище Королева... Его сокровище — предвестник полета Гагарина.

Привет из Москвы!

22.09.63г.

...Вчера на кухонном наряде как схватил меня аппендицит, думал, конец. Лежу теперь в санчасти, на постельном режиме. Гоняют нас тут страшно, куда-то, видимо, готовят, свободного времени нет совершенно. Ну вот и все, слышу, топает по коридору звездюк наш, старшина, с порога орет и гонит всех строиться. Пока, Валера, пиши!

Привет из Москвы!

14.X.63г.

Ты спрашиваешь, Валера, что за переучивание. Видишь ли, я не могу все писать, просто не имею права, иначе загребут, куда Макар телят не гонял... Так что ты не обижайся. От твоих писем я в восторге, когда их получаю. Ведь ты знаешь, возьми любую птицу, любого зверя, даже домашнего, и то они стремятся вырваться на волю, чухнуть куда-то, а не подыхать в своих клетках. Я и сравниваю себя с этими птицами. Иногда ничего, а иногда и жить не хочется, хотя тебе это на первый взгляд покажется смешно. Не живу, а существую: сплю, жру, курю, дышу воздухом, а зачем? Я потому и рад до невозможности твоим письмам, потому что знаю твои способности в литературно-истори-

ческом направлении, и вообще считаю тебя неглупым парнем, чтобы ты мог понимать мое душевное состояние...

Тут у нас на танцы пришло штук сорок баб, я постоял в уголке, посмотрел, как их наша братва рвет из рук друг друга, плюнул и ушел... Болеро, может получится так, что писем от меня долго не будет, ты просто знай. Я потом напишу. Привет всем пацанам. Жору увидишь — скажи, что он — законченный матрас! Ванька, мол, так и велел тебе передать...

В декабре начиналась защита дипломных работ. Я мучился над проектом 43-квартирного жилого дома, который строил, работая дублером мастера, и который полвека уже стоит целехоньким-живехоньким в городе Песельске, на улице Перекопской, ни трещинки не имея по торцам, да по фасаду ни лопинки. Значит, не таким уж плохим производителем работ был я на том объекте, во время всей своей дипломной практики, длившейся четыре месяца, заменяя вечно пьяного, где-то с бесчисленными подружками «колядующего» начальника участка, в прошлом летчика гражданской авиации Гришу Щетинина. Вот, кстати, к кому на сто процентов подходило народное присловье о том, что по шерсти и кличка: прораб Щетинин в самом деле всегда ходил небритым, заросшим густой-густой щетиной, как дикий кабан, вепрь, отбившийся от стаи лесной хряк. По трезвости — мужик ничего, терпимый, грубоватый, но терпимый, а по пьяни — совершеннейший балбес. В вагончике-бытовке орал во всю глотку, что дневник мой подписывать не будет, практику забракует и от защиты диплома отстранит. На площадке лез драться даже к рабочим: то не так стропальщик бадью с раствором принимает, то крановщик на его свист и команды «вира-майна» долго не откликается, то не так каменщики штрабу выводят, а плотники не с той стороны полы настилают... По пьяни что не померещится.

Однажды, будучи в особо буйном состоянии после ночного грогги, отец Григорий вознамерился и меня поучить кулаками: какой-то важный чертеж, видишь ли, я изрядно помял... А мял «синьку» не я, а бригадир. Да и как не мять рабочий-то чертеж, с которым весь день не расстаешься, размечая оконные и дверные проемы, места установки перегородок и укладки железобетонных плит перекрытий. Потому и называется чертеж «рабочим», что ты с ним неразлучен и в цементной пыли, и у битумных котлов, и на крыше дома, в отличие, скажем, от архивных бумаг или музейных грамот, которые люд честной только за стеклом витрин созерцает.

Не знаю, будь я в вагончике один, смог ли усмирить этого оглашенного упыря с остекленевшими от алкоголя, не воспринимающими действительность зенками, испещренными кровавыми прожилками? На мое счастье, заглянул тогда на стройку дружок со школьных лет — Костя, парень могутный, расколошмативший не одну пьяную физиономию хулиганистой шпане, будучи народным дружинником в отряде своего брата, милицейского офицера. Это я что-то примирительно мялил бы прорабу, успокаивал бы его, пытаюсь как-то сгладить конфликт, не привлекая чужого внимания. Но то я, а то кандидат в мастера по боксу среди тяжело-весов Костя Ширяев. Ровно в тот миг, когда списанный из авиации пилот замахнулся на меня короткой да сильной лапкой, желая без разбора въехать куда придется, — сработал на опережение костистый кулачище друга Кости. Да попал-то куда! В самое больное место — в переносицу. О, Григорий Федорович! Клоуны так живописно не кувыркаются и жонглеры в цирке так не летают, как вылетали вы задним сальто с переворотом из дверей вагончика, к неподдельному интересу побросавшей свою работу бригады каменщиков.

Но, что еще более интересное... Мы с Костей не без волнения докуривали одну сигаретку на двоих, отрывисто обсуждая произошедшее, когда вновь ввалившийся-

ся по ступенькам Григорий Федорович, зажимая носовым платком нежно алеющий нос, деловито подал руку Косте, представившись просто Гришей. Поздоровался по второму разу и со мной, задумчиво переспросив, сколько раствора приняли плиточники-облицовщики вчера и сколько нужно заказывать на сегодня... Как ни в чем не бывало, все так же из-под носового платка замурлыкал любимых «Красоток кабаре», склонившись над альбомом с чертежами чердачного перекрытия и не обращая на нас абсолютно никакого внимания, будто находился в бытовке один. Тонем вежливой стюардессы поговорил по телефону с мастером раствора-бетонного узла, делая заявку на завтра. Потом засел за смету...

Так что же? Выходит, плюха в нос — и тут же хмель забыт? Хук в середину шлемофона и — прощай, любовь к хмельному пойлу? Это — самое радикальное средство от запоев? Но где мне взять такую песню? Где сыскать отару грозных вышибал на каждый красный нос? О, блин! Но как же становится прекрасен в минуты трезвых раздумий над инженерными расчетами недавно изрыгавший матерщину, в стельку пьяный человек! Что сказал бы на этот счет мудрый змей Зигмунд Фрейд?

Прораб Щетинин с неподдельным чувством внутренней благодарности, с искренним уважением попрощался за руку с верным другом...

Дай мне Бог рассказать когда-нибудь и о петлястой судьбе Кости Ширяева. Пока рассказ об Иване. Уже успевшем после Украины, Казахстана, специальной подготовки в Москве очутиться... на Кубе. Армия!

Город Гавана.

15.XI.63.

Привет из острова Свободы — Кубы!

Здравствуй, мой любимец Балеропсан! Спешу сообщить, что добрались мы благополучно, о чем прежде говорить не мог. Выехали мы 10 октября, а прибыли 29 октября. Плыли первоклассным лайнером «Грузия» хорошо и весело. Зависал постоянно над нами американский самолет, наверняка, фотографировал все, что видел. А мы все были в гражданском, в рубашечках, сандаликах. На палубе я больше всех играл в настольный теннис и почти всегда был победителем. Питались продуктами свежими и разнообразными, каждый вечер устраивали концерты художественной самодеятельности, как мы, туристы (кгм), так и экипаж теплохода, а это, приблизительно, сотни две гавриков. В Северном море нас немного побросало (пять суток), когда попали в 8-балльный шторм. Там погибло немецкое рыбацкое судно и больше половины команды, мы на другой день это услышали по радио из Москвы... А так, ближе к экватору, погода тихая и жаркая, вода в океане до 30 градусов, а глубина под килем 5000 метров, не слабо, а?

Должность у меня приличная — заведующий птицефермой, передаю опыт кубинским друзьям. Народ кубинский приветливый, дружелюбный, а еще горячий, темпераментный. Русских очень уважают, если заметят какую-нибудь вещь — отберут обязательно на память, лишь бы русскую. К нам недавно приезжала Валентина Терешкова, еще когда не стала Николаевой. Климат жаркий, целый день обливаешься потом, трава растет почти до самой головы и вечнозеленая. Красивые пальмы, много апельсинов, лимонов, мандаринов, ананасов, кокосовых орехов. И полно змей, удавов, а особенно крыс, они, заразы, здоровенные и очень хищные, в лесу лазают по деревьям, как наши белки. Фрукты дешевые, один апельсин на наши деньги стоит 1–1,5 копейки, по-ихнему 9,5 сентаво. Ну вот и все.

А! Сам, правда, не пробовал, но ребята говорят, кубинки очень темпераментные и склонны к палочкам-стукалочкам, у них это считается законно. Даже

муж собственный отправляет жену на заработки. За 5 песо можно любую бабу, любого происхождения и симпатии, обслужит как тебе угодно, в любой позе. Валера, отвечай мне сразу, чтобы я знал, сколько идет письмо, а то кто из наших пацанов говорит: неделю, а кто и две. А точно?

Привет ребятам! Мой адрес: Москва-400, п/я 286 «М». Будь здоров! Ваня.

КУБИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В ходе холодной войны противостояние между двумя сверхдержавами, СССР и США, выразалось не только в прямой военной угрозе и гонке вооружений, но и в стремлении к расширению их зон влияния. Помощь Советского Союза часто была безвозмездной, что вызывало дополнительные симпатии к нему со стороны беднейших стран Африки и Латинской Америки. США, в свою очередь, придерживаясь аналогичной политики, также стимулировали «революции для установления демократии» и оказывали поддержку проамериканским режимам. Обычно перевес сил был на стороне США — их поддерживала Западная Европа, Турция, некоторые азиатские и африканские страны, например, ЮАР.

Первоначально, после победы революции на Кубе в 1959 году, у ее лидера Фиделя Кастро не было тесных отношений с Советским Союзом. Во время своей борьбы с режимом Фульхенсио Батисты в 1950-х Кастро несколько раз обращался к Москве за военной помощью, но получал отказ. Москва скептически относилась к лидеру кубинских революционеров и к самим перспективам революции на Кубе, считая, что там слишком велико влияние США. Первый зарубежный визит после победы революции Фидель совершил в США, однако президент Эйзенхауэр отказался встречаться с ним, сославшись на занятость. После этой демонстрации высокомерного отношения к Кубе Кастро проводил меры, направленные против засилья американцев. Были национализированы телефонная и электрическая компании, нефтеперерабатывающие заводы, 36 крупнейших сахарных заводов, принадлежавших гражданам США, однако прежним владельцам были предложены соответствующие пакеты ценных бумаг. Все филиалы североамериканских банков, принадлежавших гражданам США, были также национализированы. В ответ на это США прекратили поставлять на Кубу нефть и покупать ее сахар. Такие шаги поставили Кубу в очень тяжелое положение. К тому времени кубинским правительством уже были установлены дипломатические отношения с СССР, и оно обратилось к Москве за помощью. Отвечая на запрос, СССР направил танкеры с нефтью и организовал закупки кубинского сахара и сахара-сырца. На Кубу в длительные командировки выезжали специалисты различных отраслей народного хозяйства СССР для создания аналогичных отраслей, а также делопроизводства на Острове Свободы. Советские специалисты строили различные объекты, например, по спецпроекту делали паровые электростанции с котлами на топливе из отходов сахарного тростника.

Советский Союз имел возможность доставить на территорию США около 300 боезарядов, в основном с помощью стратегической авиации и МБР Р-7 и Р-16, имевших низкую степень боеготовности и высокую стоимость создания стартовых комплексов, что не позволяло произвести масштабное развертывание этих систем.

США начали размещение в Турции 15 ракет средней дальности, напрямую угрожавших европейской части Советского Союза, доставая до Москвы. Советские стратеги осознали, что перед ударом этих ракет они практически беззащитны, но можно достичь некоторого ядерного паритета, пойдя на ответный шаг — разместив ракеты на Кубе. Советские ракеты средней дальности на кубинской территории, имея дальность стрельбы до 4000 км (Р-14), могли держать под прицелом Вашингтон и около половины авиабаз стратегических ядерных бомбардировщиков стратегических ВВС США, с подлетным временем менее 20 минут.

Глава Советского Союза Хрущев публично высказал свое возмущение фактом размещения ракет в Турции. Он считал эти ракеты личным оскорблением. Размещение ракет на Кубе — первый случай, когда советские ракеты покинули территорию СССР — считается непосредственным ответом Хрущева на американские ракеты в Турции. В своих мемуарах Хрущев пишет, что первый раз идея разместить ракеты на Кубе пришла к нему в 1962 году, когда он возглавлял делегацию Советского Союза, посещавшую Болгарию. На заседании Совета обороны он поставил этот вопрос на обсуждение. Больше всех был против такого решения Микоян, однако, в конце концов, члены Президиума ЦК КПСС, входившие в Совет обороны, поддержали Хрущева. Министерству обороны и иностранных дел было поручено организовать скрытную переброску войск и военной техники по морю на Кубу. Из-за особой спешки план был принят без утверждения — к реализации приступили сразу после получения согласия Кастро.

Фидель попросил сутки на переговоры со своими ближайшими соратниками. Известно, что 30 мая у него состоялся разговор с Эрнесто Че Геварой, однако, о сущности этого разговора до сих пор ничего не известно. В тот же день Кастро дал положительный ответ советским делегатам. Было решено, что Рауль Кастро в июле посетит Москву для уточнения всех деталей.

План предполагал размещение на Кубе двух видов баллистических ракет: Р-12 с радиусом действия около 2000 км и Р-14, с дальностью в два раза больше. Оба типа ракет были снабжены ядерными боеголовками мощностью 1 Мт. Министр обороны Родион Яковлевич Малиновский также уточнил, что вооруженные силы разместят 24 ракеты среднего радиуса действия Р-12 и 16 ракет промежуточного радиуса действия Р-14 и оставят в резерве по половине от количества ракет каждого типа. Предполагалось снять 40 ракет с позиций на Украине и в европейской части России. После установки этих ракет на Кубе количество советских ядерных ракет, способных достичь территории США увеличивалось в два раза.

Предполагалось направить на Остров Свободы группу советских войск для боевого охранения пяти подразделений ядерных ракет (трех Р-12 и двух Р-14). Помимо ракет, в состав группы входили также 1 вертолетный полк Ми-4, 4 мотострелковых полка, два танковых батальона, эскадрилья МиГ-21, 42 легких бомбардировщика Ил-28, 2 подразделения крылатых ракет с ядерными боеголовками 12 Кт с радиусом действия 160 км, несколько батарей зенитных орудий, а также 12 установок С-75 (144 ракеты). Каждый мотострелковый полк насчитывал 2500 человек, танковые батальоны оснащались новейшими танками Т-55. Стоит отметить, что Группа советских войск на Кубе (ГСВК) стала первой в истории СССР армейской группировкой, в состав которой вошли баллистические ракеты.

Кроме того, на Кубу направлялась и группировка ВМФ СССР: 2 крейсера, 4 эсминца, 12 ракетных катеров «Комар», 11 подводных лодок (из них 7 — с ядерными ракетами). Всего на остров планировалось отправить 50 874 военнослужащих. Позже, 7 июля, Хрущев принял решение назначить командующим группировкой И.А. Плиева. Заслушав доклад Малиновского, Президиум ЦК проголосовал за проведение операции единогласно.

ОПЕРАЦИЯ «АНАДЫРЬ»

Всем советским военнослужащим, техническому персоналу и другим сопровождавшим «груз» говорили, что они направляются на Чукотку. Для пущей достоверности к портам приходили целые вагоны шуб и дубленок. Но, несмотря на такое масштабное прикрытие, у операции был один существенный изъян: невозможно было скрыть ракеты от регулярно облетающих Кубу американских самолетов-разведчиков U-2. Таким образом, план заранее разрабатывался с учетом того, что

американцы обнаружат советские ракеты до того, как все они будут смонтированы. Единственный выход, который сумели найти военные — разместить несколько зенитных батарей уже на Кубе в местах разгрузки.

Ракеты и прочую технику, а также личный состав доставили в шесть разных портов от Североморска до Севастополя. Для переброски войск выделили 85 кораблей. Ни один капитан перед отплытием не знал о содержимом трюмов, а также о пункте назначения. Каждому капитану вручили запечатанный пакет, который следовало вскрыть в море в присутствии замполита. В конвертах было предписание следовать на Кубу и избегать контакта с кораблями НАТО.

В начале августа на Кубу пришли первые корабли. Ночью 8 сентября в Гаване была разгружена первая партия баллистических ракет средней дальности, вторая партия прибыла 16 сентября. Штаб ГСВК расположился в Гаване. Дивизионы баллистических ракет развернули на западе острова близ деревеньки Сан-Кристобаль и в центре Кубы у порта Касильда. Основные войска были сконцентрированы вокруг ракет в западной части острова, однако несколько крылатых ракет и мотострелковый полк были переброшены на восток Кубы — в сотне километров от Гуантанамо и военно-морской базы США в заливе Гуантанамо. К 14 октября 1962 года на Кубу доставили все 40 ракет и большую часть оборудования.

Президент Кеннеди собрал особую группу советников на секретное совещание в Белом доме. Немедленный бомбовый удар был отвергнут сразу же, так же как и обещавшее длительную задержку обращение в ООН. Реальными вариантами действий, рассматриваемыми комитетом, были только военные меры. Военные торопили президента отдать приказ о вторжении, поскольку опасались, что когда СССР установит все ракеты, будет уже поздно. Стоит отметить, однако, что агентурные данные ЦРУ о численности советских войск на Кубе уже к тому моменту были существенно ниже реальных. Американцы также не знали о 12 тактических ядерных ракетных комплексах «Луна», уже находящихся на острове, которые могли быть задействованы по приказу генерала Плиева, командующего советскими силами на острове. Вторжение могло повлечь ядерный удар по американскому десанту, причем с катастрофическими последствиями.

Поэтому решение о введении блокады было вынесено на обсуждение Организации американских государств (ОАГ). Опираясь на Пакт Рио, ОАГ единогласно поддержала введение санкций против Кубы. Акция была названа не «блокадой», а «карантином», что означало не полное прекращение морского сообщения, а лишь препятствие поставкам вооружений. Было решено ввести карантин 24 октября с 10 утра по местному времени.

Президент Кеннеди обратился к американской публике (и советскому правительству) в телевизионном выступлении 22 октября. Он подтвердил присутствие ракет на Кубе и объявил военно-морскую блокаду в виде карантинной зоны в 500 морских миль (926 км) вокруг берегов Кубы, предупредив, что вооруженные силы «готовы к любому развитию событий», и осудив Советский Союз за «секретность и введение в заблуждение». Кеннеди отметил, что любой ракетный запуск с территории Кубы в сторону любого из американских союзников в западном полушарии будет расценен как акт войны против США.

К этому времени на Кубу шли 30 кораблей и судов, в том числе «Александровск» с грузом ядерных боеголовок и 4 корабля для двух дивизионов БРСД. Кроме того, к Острову Свободы приближались 4 дизельные подводные лодки, сопровождавшие корабли. На борту «Александровска» находились 24 боеголовки для БРСД и 44 для крылатых ракет. Хрущев решил, что подводным лодкам и четырем судам с ракетами Р-14 — «Артемьевску», «Николаеву», «Дубне» и «Дивногорску» — следует продолжать идти прежним курсом. Стремясь свести к минимуму возможность столкновения советских кораблей с американскими,

советское руководство решило развернуть остальные, не успевшие добраться до Кубы корабли, домой.

Одновременно с этим Президиум ЦК КПСС решил привести Вооруженные силы СССР и стран Варшавского договора в состоянии повышенной боеготовности. Отменили все увольнения. Срочникам, готовящимся к демобилизации, было предписано оставаться на местах несения службы до дальнейших распоряжений. Хрущев отправил Кастро ободряющее письмо, заверив в непоколебимости позиции СССР при любых обстоятельствах. Тем более, он знал, что существенная часть советского оружия уже добралась до Кубы.

25 октября на экстренном заседании Совета Безопасности ООН разыгралась одна из самых памятных сцен в истории ООН. Представитель США Стивенсон обвинил СССР в размещении ракет на Кубе и потребовал от советского представителя Зорина (который, как и большинство советских дипломатов, не подозревал об операции «Анадырь») дать ответ относительно присутствия ракет на Кубе: «Позвольте мне задать вам один простой вопрос: отрицаете ли вы, посол Зорин, тот факт, что СССР разместил и размещает на Кубе ракеты среднего радиуса действия и пусковые установки для таких ракет? Да или нет? Не ждите перевода. Да или нет?» Зорин ответил: «Я не нахожусь в американском суде! И поэтому не хочу отвечать на вопрос, который задается в прокурорском плане. В свое время вы получите ответ!» Стивенсон возразил: «Сейчас вы находитесь перед судом мирового общественного мнения и можете ответить просто «да» или «нет». Вы отрицали существование ракет на Кубе. Я хочу убедиться, правильно ли я вас понял». Зорин: «Продолжайте вашу речь, господин Стивенсон. В свое время вы получите ответ!» В этот момент помощники Стивенсона внесли в зал Совета Безопасности увеличенные аэрофотоснимки пусковых установок советских ракет на Кубе.

Привет с Кубы!

Да, если у нас ночью плюс 10-12, представляю, какая у вас сейчас холодина. Валера, ты совершенно прав, что я тебе не обо всем пишу. Здесь есть и кое-что ужасное, но сам должен понимать прекрасно мои возможности... Кончишь вот нашу «академию», наденешь хэбэ, сразу поймешь, что к чему про военную тайну... Посылки — дело невозможное, ни мне, ни вам нельзя, а за предложение спасибо тебе. А тут, действительно, лучший и самый качественный табак в мире, особенно гаванские сигары, как затянешься, аж глаза на лоб лезут. Если мне удастся вернуться в полном благополучии, то я обязательно привезу сигарет и сигар. А так — продукты тут недоступны, потому что карточная система. Своей промышленности у них нет, все импортное... Сегодня снилось, что я пришел к тебе на участок устраиваться на работу и ты меня взял, но предупредил, как разгильдяя, что берешь для исправления... Не пойму я Жору — то ли адресовал я ему свои письма неправильно? Но ведь молчит уже сколько, только через тебя привет передает. Ты возьми у него точный адрес или дай ему мой. Привет всем нашим дипломничкам. Прогибайтесь там, как я прогибался и в самых железных лапах, диплом потом можно будет закинуть под комод, но «корочки» нужны, пацаны. Так что, гнитесь!

С приветом, Ваня. 5.12.63г.

Кажется, вслух я об этом не говорил, но сам себе с первых же строк этого «письма» пообещал рассказывать здесь только о том, что видел своими глазами и слышал своими ушами. Потому в качестве полной противоположности Ванькиной солдатской судьбе, изломанной, искрученной и скрюченной, как сухая картофельная ботва, не могу не очертить хотя бы бегло, штрих-пунктиром, линию армейского жития-бытия еще одного земляка-однополчанина, мельком встречавшегося на страницах этого повествования — Вити Ефименко. Белобрысого колобка с

неморгающими детскими глазенками и щедро усыпанными мелкими веснушками щечками, вечно розовыми, пухленькими, наверное, от злоупотребления салом, щечками, которые так хотелось потрепать, ущипнуть, потрогать.

После прохождения месячного карантина Витька пошел служить в спокойные радиолокационные войска под Курском, попрощавшись с земляком Иваном в городе Овруче раз и навсегда. И только паспорт да военный билет розовощекого малыша знали с тех пор, что настоящая фамилия Витьки была не Ефименко, а Юхименко. И если в техникуме он был наделен прозвищем «Не дам!» — за то, что нигде, никогда и никому не давал списывать у себя ни одну самостоятельную, контрольную, курсовую работу ни по какому предмету, то в казарме подлинные документы, как ни таись, не спрячешь... И для таких же, как он сам, новобранцев, Витька очень быстро стал не Малыш, как прежде, а Юхим. Вскрылось вместе с неблагозвучием фамилии и подлинное отчество «Не дам!»: Опанасович. Витькин чудом не раскулаченный дед, да и щирый однодворец, селянин-батка не чурались не только национальных сорочек-вышиванок, подпольного выгона «самогряя», всяких разных из старины идущих обычаев-ритуалов, но и чистых, без примесей, идущих от запорожцев, имен своих. Например, Опанас. А вот сынок и внучек не согласился с предками, назвался Афанасьевичем, не без оснований полагая, что так культурнее... Кто ему указ?

Мог бы я о Юхиме и не говорить, но вот ведь как по-разному сложились, казалось бы, запрессованные в одинаковые солдатские шинели судьбы ребят. Ваньке жизнь выписала билет далеких странствий по малым городам и весям Украины, палаточным армейским лагерям в казахских степях, муштру в закрытом московском гарнизоне, наконец, службу в черт-те где расположенной Кубе. Зато Витькина жизнь... Вот уж, действительно, как у kota в масле, о котором мы пели хором, разгуливая во хмелю по сельским улицам.

«А Васька-кот, а Васька-кот / залез на бочку скипидарную, / И подняв хвост дугой, и подняв хвост дугой, / повел ей речь свою коварную»...

Не знаю, где уж Витя Ефименко по кличке «Не дам!» подцепил эту песню, но не расставался он с ней все четыре с половиной года учебы в техникуме. И в армии не забыл. Напевал этот и другие душещипательные шансоны под гитару своему командиру локатора — губастому увальню капитану Скляру (я видел то фото, где они перед Витькиным дембелем стоят вдвоем, как девушка с парнем, под березами у локатора, романтично обнявшись за плечи). Напевал громко, выразительно, до слез бередя романтическую душу капитана, с мальчишеских лет мечтавшего служить в генеральском звании начальником испытательного полигона в подмосковной Кубинке, той, где служил вольнонаемным начальником ТЭЧ — технико-эксплуатационной части — его отец...

Я сейчас не удержусь и начну, забегая вперед, про этого Скляра рассказывать то, что всю ночь рассказывал мне Витька. Тот самый Ефименко-Юхименко, с которым мы встретились уже на гражданке, после армии, вдали от шума городского, будучи людьми остепененными, добропорядочными, семейными. К нам в гости он заявился без жены, шумный и говорливый, моя радость сразу все поняла, шепнула мне: «Поссорились!» И оказалась права.

Поздно вечером мы пошли провожать Витьку — уж не помню, к автобусу или к стоянке такси, но раз пять точно вновь и вновь возвращались от остановки к нашему дачному домику, потому что Витька хотя и отказался заночевать («Актриса на порог не пустит!»), сам нас не отпускал, благодарных слушателей, лихо исполняя лучший репертуар Высоцкого — «Кони», «Черный пистолет», «Высота». В те годы — Высоцкий... Икона! И оторваться от хриповатого Витькиного пения, красивого мужского голоса моего однокашника по «академии», закончить концерт волевым решением было просто выше человеческих сил.

Так вот, рядовой Юхименко, сидя на летней травке, среди березок, окружавших локационную площадку, пел, а кэп Скляр, стоя у генераторного блока, улыбался сквозь слезы и молчал, головой лишь в такт качал... Классный он был мужик, судя по Витькиным рассказам, начальник локоатора! С профессорскими мозгами, доброй душой и складной речью. Если бы только не участвовавшие случаи запоя, непредсказуемые, как мина, как фугас, как растяжка на мирной дороге, когда никто не знает, где она, как и когда рванет...

Напиваясь в угар при несении патрульной службы на железнодорожном вокзале, сверхбдительный капитан Скляр, начиная с общественного мужского туалета и заканчивая мирной комнатой матери и ребенка, обязательно приступал к поискам и быстро находил среди мирных граждан затаившегося шпиона. Тут же вздымал тревогу, приказывая двум своим солдатам вязать захватчика. И лично кидался скручивать бедную жертву, орудия ремнем, выдернутым из португеи, до тех пор, пока не получал в лоб от решительно настроенного оппонента или пока его самого не оттащивал в сторону вызванный наряд милицейской «канарейки». Скляр каждый раз после анекдотического «разбора полетов» на офицерском собрании, как правило, получал выговор, пару раз лишался капитанских погон, получая вдогонку «неполное служебное»... Грехи свои тяжкие перед армейским Уставом, воинской присягой и служебными обязанностями замаливал тем, что пахал на локоаторе за троих, попеременно отпуская по доброте души друзей-солдатиков — Витю Юхименко и его напарника — на шоферские курсы в райцентр. Мало того, что наш «кукурузник» Юхим так классно, оказывается, манкировал солдатской службой, в то время как его братья по оружию парились в нарядах и караулах — через день на ремень, через два на кухню, — так он еще и стипендию на тех водительских курсах получал нехилую: 60 рубликов в месяц. Это при солдатском-то жалованье всего лишь три рубля восемьдесят копеек. Было с чем сравнивать...

Скромно поджимая губки, «Не дам!» рассказывал мне о своей солдатской «прухе» под общим названием «Поцелуй меня, удача!» все тогда же, годы спустя. Но уже рассказывал, принимая нас, гостей, на своем по-буржуйски обустроенном подворье, где утопающему в розах ландшафту могли бы позавидовать и экзотические японские, и милые израильские дворики... И где Витя Юхим, напрочь позабыв все техникумовские дисциплины, начиная от теоретической механики и до строительных конструкций, в шикарно оборудованном сарае (не сарай, а княжеские покои!) выращивал невиданной красоты птиц фазанов с пестрыми хвостами для налаженного сбыта на столичный рынок. Думаете, кто ему помогал в этом деле? Папа! Мастер на все руки — Опанас Николаевич, не только земледelec и животновод, а еще и сапожник, столяр, пчеловод, время от времени возивший туда, под Курск, капитану Скляру банки с медом, соты и прополис.

Что совсем неожиданно и совершенно прикольно, говоря сегодняшним «пацанским» языком! Когда Опанас Мыколаевич к своим восьмидесяти с хвостиком упокоился на местном кладбище в почетном ряду самых достойных граждан района, там, где тенистая центральная аллея начинается прямо от ворот, и где жинка его, веселая частушечница, вечная голова сильрады, то есть предсeдатель сельсовета, терпеливо дожидалась мужа добрый десяток лет, когда не знала еще наша онкология, как лечить опухоли — новообразования молочной железы у бедных женщин, — произошли крутые перемены и в затянувшейся холостяцкой жизни Виктора Опанасовича. Крутобедрую, тугогрудую Елизавету Савельевну, верой и правдой служившую батьке, ни разу не упрекнувшую супруга в солидной возрастной разнице даже в шутку, сын — он же Витя Юхименко — с их общего теперь подворья не отпустил. Как уж он сумел, но сумел, уговорил актрису остаться.

И за диковинной птицей, фазанами, днем, а за Витей Юхименко с их общей

уже донькой круглосуточно, ходила с той поры... вторая жена Опанаса Мыколаевича, ставшая после смерти мужа первой и, пожалуй, навечно единственной, Витькиной женой. Елизавета Савельевна с полным пониманием жизненной ситуации, наплевав на все неизбежные суды-пересуды досужих кумушек, включая и тех, кто гнется, как камышинка под пьяным да дурным мужичким игмом, но строит из себя счастливую, решилась на такой шаг не сразу. Но решилась... Смиренно приняла, хай Бог меня простит, жизненную эстафету от отца к сыну... А что ей было делать? Возвращаться на постылый отчий двор и там куковать до полной старости и сиротского забвенья? Или же слышать здесь родной детский крик, быть при хозяйстве и при верном муже, чувствовать себя настоящей женщиной, нужным человеком? Витька в затынувшемся за 30 лет выборе не ошибся. Да и Елизавета Савельевна не прогадала... Нет, все-таки надо перечитать Фрейда!..

Привет из Кубы!

Спешу, Валера, сообщить, что дочурка моя растет и полнеет с каждым днем, мамаша пишет, что такая толстуха стала, аж страшно. Вернусь, уже деваха будет при порядке... Ни за кем так не скучаю, как за ней. Неужели, Балеропсан, ты за все это время не видел моей дочурки? А как там жиночка моя себя ведет на твой взгляд? Совсем молчишь? Ты уже стал, как Жора, вернусь — опахало ему начищу... Похвально, что дипломную ты закончил даже раньше срока. Но, как у нас тут говорят, не спеши выполнять приказ, ибо последует другой. Понял, да? Прогибайся по-умному, но без мандража. А кореш мой, Жора, наверное, чертил дипломную и думал о папиной «Волге» в подарок? Что-то у него, видать, не в порядке, коль столько молчит... Так, слухи докатились сюда через третьих лиц, что баллон его — Симон Самсонович Атоянц — аж в Ереван гонял за «Волгой», но кому и для кого — молчок... До сих пор не пойму, как Жора от армии сачканул, мы же с ним годки... Но это ему еще хуже — идти не со своим годом. А за жабры его все равно возьмут... Эх, как бы мы дали сейчас раскрутку на нашем выпускном — Жора на саксе, я на альтушечке, ты на ударных... Смотри там, на выпускном, за ним, а то этот фуцан по пьяни или в торт наблюдает или в холодец харей ляжет. Будет тебе потом что в армии вспоминать... Говоришь, к тетке на Урал решил смотаться, перед службой? Тоже дело. Не поленись, протаракань там пару смалочек, тут со мной один корешок служит из Златоуста, говорит, девки у них прям огняные, дотла сжигают наших пацанов. И любят таких, как ты, речистых, но душою чистых. Так что не тушуйся!

Жора... Мог ли я в письме рассказать Ивану, что увидел тогда в каморке музыкантов, подглядывая в маленькое, подслеповатое оконце, выходящее в глухой двор?.. Помнить больно и забыть невозможно... Вот тебе, Ваня, и любимая дочурка, полнеющая день ото дня...

Привет из далекого края!

Поздравляю тебя, Болеро, и всех наших пацанов и баб с окончанием техникума! По твоему описанию чувствуется, что свой выпускной отпраздновали хорошо, аж через чур хошоро. (Не могу отказать себе в удовольствии привести последние три слова из Ванькиного письма в их доподлинном виде; сколько живу, такой транскрипции нигде больше не встречал. Может, правда, он вдалеке от Родины начал забывать родной русский язык?)

Говоришь, Челита тебе не отказала? Ну-ну... Если по-честному, Балеропсан, то я и сам имел «при жизни» на нее виды, еще тогда, до Юльки, когда Челита только-только к нам в группу из Харькова приехала. Маманя у нее, правда, бандерша, глотка — атомный взрыв перекричит, вот тебе и жена профессора,

торговка законченная. «В Нахичевани семечки толкают»... Помнишь, вратарь наш в «Электроне» — ростовский парень, Димка — эти куплеты после кубка исполнил? Но зато сама Чело — девка то что надо. Ладно. Держи «5»! Молодца, казак, поздравляю с первой боевой победой... Но, видишь, как оно получается, все так в жизни перепуталось хитро... А тогда, на третьем курсе, мы классно с Жорой тоже наяривали с эстрады специально для новенькой — из репертуара Клавдии Шульженко:

Для нашей Челиты все двери открыты,
Хоть лет ей неполных семнадцать,
Но взрослые все, признаться,
Ее, как огня, боятся.
И любим ее, и терпим ее мы,
И справиться с нею нет мочи —
Над нами она хохочет
И делает все, что хочет...

Почему ты пошел на рабочее место, Валера, я не понял? Было же у тебя направление мастером, мне Шуля написал. Если только ты решил строительную жизнь с самых низов узнать? Ну, ты у нас такой. Сознательный. Смотри теперь сам...

Возили нас в прошлое воскресенье на экскурсию в Гавану. В самом центре столицы стоит мемориал Хосе Марти из белого мрамора весь, высотой сто метров, представляешь, внизу в нем собраны трофеи революции Кубы. Там же, как экспонат, лежит весь в обломках американский самолет-шпион «У-2». Понял, чья работа, да? Были в Гаванском зоопарке, чего я там только не увидел, описать невозможно, ни на одном рисунке не встречал, и названий тех чертей розатых толком не знаю...

Дружище, будет моя жиночка на традиционной встрече выпускников, так ты там присмотри что чего, только незаметно, и это, если она будет. Но она не пропустит, не должна, дома не усидит, придет...

Вот что я, Иван Иванович, должен был «присмотреть»? С кем Юлька танцевать пойдет? Допустим, пойдет с кем-то из преподавателей или с тем же Атоянцем Жорой. Убить за это их обоих из кривого ружья? Или мильтонов вызвать, пусть их зарежут?

Нет же, давай, Валера, еще выслеживай, кто ее домой провожать отправится? Не хило. Весь я буду такой шпион в черном плаще, в темных очках, с портативной рацией в кармане... На Ваньку я злился, но по-мужски его понимал. А потому отвечал бодро, успокоительно, рассеивая все сомнения «кубинца»: «Вано, жиночка твоя была, весь вечер просидела с подружками в уголке, хихикали там они, что-то свое вспоминали... Так что все в норме, не дергайся...»

5.02.64.

Привет из Кубы!

Пишешь, что погулял на Урале хорошо? Гуляй, Валера, еще и еще, пока есть возможность, приходи домой под утро, бери все от жизни и наслаждайся. Когда женишься, считай, все погибло, и мой тебе совет — не спеши жениться, не теряй свободу. Как у тебя насчет армии? Призывная специальность, учти и поверь мне, еще сто раз изменится. Мало ли что написали «флот». Мне тоже вон писали «авиация», а попал я куда? Вот то-то и оно. В нее самую... Да еще и с ушами! Видел ли ты кого-либо путного на встрече с выпускниками? Говоришь, моя жиночка там себя как следует вела? Честно? Не финтишь? Ты напиши по-честному.

Слышь, Валера, не переживай с трудоустройством, я-то сначала думал, что ты сам герой, пошел, видишь, рядовым плотником-бетонщиком в бригаду, а оно видишь как. Ну и хрюндель с ними. Конечно, у Жоры баллон вон кто, потому сынка и взяли сразу в трест нормировщиком. И у Челита блат налажен, дело папы или мамы, зуб даю, что устроили ее ни себе куда, инженером-лаборантом. Ну, бляха-муха, ты меня развеселил, я сейчас аж с лафета падаю. Челита — инженер? Да она кроме кия... бильярдного и гитары в руках ничего не держала, кто ей даст сборный или монолитный железобетон проверять, или предварительно напряженную арматуру? Ты о чем говоришь? Пошли они в пень! Осточертели... Жору увидишь, скажи от меня, что он фраер и козел форменный, ни одного письма не написал за столько времени. Ну? Это друг или говнюк?

Ты из газет, наверное, знаешь, на Кубе сейчас идет уборка сахарного тростника — это притом, что у вас февраль, тумкаешь? Кстати, в Псельске на улицах как? Текут ручьи, кричат грачи? Да я понимаю, что это в марте наступит. Эх, Болеро, ты бы знал, как же охота снежок наш беленький, пушистый увидеть, сосульку сшибить, с мормышкой окуньков в проруби подергать... Когда же это будет, когда!!! Кругом пекло, и мы с нашей гладкоствольной птицефабрикой стоим от Гаваны всего в четырех км. Если в этом мае получится отпуск, то по приезде кое-что порасскажу тебе очень интересное... Дал бы только наш «бог» — Родион Яковлевич — добро на отпуска солдатам... Но навряд ли. Янки, глядь, не дрыхнут. А как тянет на родину, ты бы, Валера, знал, как мне по ночам сад наш с антоновкой, с черной смородиной снится! И дочуру-толстущечку как же охота обнять, потискать, она ж меня толком-то и не знает...

Высылаю тебе фото с пляжа Варадеро. Видел бы ты, что здесь на песке пацанва, босота нищая, с мячом вытворяет. Цирк! Вот откуда у них асы спорта берутся... А! Болеро! Говорят, по личному повелению Никиты Сергеевича нам посылки разрешили, и ты мне, будь другом, вышли фотобумагу размером 9х6. Вложи прямо в почтовый конверт и пошли заказным письмом, здесь с фотобумагой завал, почти нет вообще. Не посылай только в конвертах с марками, на наш почтовый ящик и за полкопейки конверт дойдет. Только квитанцию не забудь взять, а то шантрапа на почте все затырит, а скажут, так и было...»

И полстолетия спустя я не могу понять, за что мы должны быть благодарны ныне, присно и во веки веков Герою Советского Союза (звание этому «герою» было присвоено через 20 лет после войны, наверное, за сдачу немцам Харькова, где он был членом Военсовета), трижды Герою Социалистического Труда (надорвался, видимо, на кукурузе), кавалеру семи орденов Ленина, неисчислимому орденосцу и медаленосцу, лауреату высших наград почти всех стран социализма, мечтавшему, как мне кажется, еще и об английском ордене Подвязки, Первому секретарю ЦК КПСС — малограмотному сталинскому холоу Никите Хрущеву, чей 10-летний период правления страной выпал как раз и на шестидесятые годы прошлого века. На моей памяти при повальной кукурузоидации на полях был в городе ужас пустых магазинных прилавков. Всюду разговоры только про разделение прежде единых парткомов, а служивая рать не знает, чем же, собственно, ей теперь заниматься? А какая в народе неприязнь к Никите Кожемяке, Кукурузнику, Колобку, Лысому члену, Никите-чудотворцу...

Именно в это время — свидетельствую лично! — для того, чтобы получить в закрепленном за жителями определенной улицы гастрономе по дополнительному талону масло животное (запахом, цветом, периодом тления на сковороде ужасно

напоминавшем даже не маргарин, а некий маргусалин), а вместе с ним — килограммового батона вареной колбасы и полкило сыра, мне пришлось сдавать на донорском пункте второй раз за месяц 150 граммов крови. По своему паспорту я это сделать не мог, фамилия уже была врачами записана, так часто ходить — только здоровью вредить. И я попросил, как это делали и другие пацаны, паспорт у «незасвеченного» еще приятеля Вовки Еренбурга. Кто там будет смотреть на его фотографию, сличая с моим «оригиналом»? Но, когда заполнял анкету, написал не Еренбург, как в паспорте, а известную писательскую фамилию Эренбург. Опытная тетка-медик пристально всмотрелась в бумагу, и вскинулась: «Ваша как фамилия?» Когда нечего говорить — говори правду, это я знал. Доктор пожевала сухонькими губами, сочувственно покачала головой, вздохнула: «Ладно, идите!»

После опустошения вены «кровесдатцам» полагался бесплатный плотный обед из трех блюд: на первое наваристый с мясом-свиной борщ, густо заправленный доброй сметанкой, на второе гора отварной картошечки, присыпанной укропчиком, петрушечкой, лучком зеленым и снабженная увесистой парочкой толстых котлет... А! Еще же ставили нам салат из овощной нарезки (значит, всего в итоге получался обед из четырех блюд!), считая десерт — кисель и булочку с яблочным повидлом или джемом к нему. Кто не наелся и не спешил уходить, тот мог там же, в донорской столовке, где заседала публика обоого пола с одинаково перевязанными у локтей бинтами, — на халяву выпить еще сколько угодно чая с сахаром, на добавку пошамать несчитанные ломти ароматного белого хлебushка, не так уж, кстати, тогда и доступного в повседневной жизни... Потом зайти, получить там же, в кассе, свои законные денежки, печальный гонорар. Уж не помню, сколько, но помню — выплачивались бонусы строго дифференцированно, в зависимости от донорского стажа каждого, количества сданной крови, и... и все. Хотя, как все? А как же я упустил самое главное — «наркомовские» сто (или сто пятьдесят?) граммов сладкого вина. Да, точно — премиальная бутылка красного (кагор?) разливалась на обеде в столовой на троих, значит, каждому доставалось ровно по стакану. И... теперь уже все? Нет? Опять не все? Да. Верно. Еще выдавались лично в руки донорам те самые проштемпелеванные, скрепленные синей печатью голубые — на масло, серые — на сыр, розовые — на колбасу вареную, аккуратно нарезанные талоны-панталоны, по предъявлении которых продавцу можно было отовариться в продовольственном отделе «своего» гастронома продуктовым дефицитом.

Итак, псевдо-Еренбург-Эренбург, превозмогая подкатывавшую к горлу тошноту, давясь позывами, кое-как доехал старым загазованным автобусом до своей Холодной горы. Полуживой, но добрал домой, крепко сжимая в руках вот уж истине завоеванные кровью и потом сыр, масло, колбасу.

Мать не обманешь. Едва переступил родной порог, она с первого же взгляда на меня все поняла; охнула, ахнула, всплеснула руками: «Валерка! Ты опять кровь сдал? Я же тебя просила, сы-ы-нок!»...

В общем, не знаю, как в столицах, а у нас, в провинции, в домотканых, с крышами из сена и соломы городках, еще только начинавших закладывать панельные «будынки», в которых за границей живут только переселенцы, вот такая вот реально была фигня при дорогом Никите Сергеевиче, анекдотов о котором ходило больше, чем басен Крылова и притч о Ходже Насреддине.

- Водка — это витамин, — сказал Хо Ши Мин.
- Да ну? — сказал У Ну.
- Водку надо пить в меру, — сказал Неру.
- Водку пьют для аппетита, — сказал Броз Тито.
- Водку надо пить досыта, — сказал Хрущев Никита.
- Тогда наливай! — сказал Чжоу Энь Лай...

Да, заметнее тогда продвинулась при Хрущеве вперед космическая программа, хотя глубинные ее корни уходят в еще более далекое, дохрущевское прошлое. Да, повсюду начали строиться жилые, однотипные, в основном, пятиэтажные, не требующие лифтов, дома из сборных железобетонных элементов, украшающие Россию и поныне. Да, оглушающему развенчанию подвергся изуст генсека культ личности, а вместе с ним — осуждение чудовищного разгула репрессий. И заработала, наконец, реабилитационная система... Но ведь знающие подлинную суть дела люди — ученые, историки, политики, эксперты — утверждают, что (как некогда могучий Костин кулак, выброшенный перед Гришиной физиономией на опережение), так и здесь Никита Кожемяка вовремя подсутился, чтобы самому не попасть в клетку, в крысоловку. И потому первым закричал: «Держи вора!», пока его самого не схватили за шкуру, как виновника таких же злодеяний, и не призвали к ответу. А царя кто посадит? Это же царь! Наместник Бога на земле.

Насмотревшись за границей множества бытовых штучек — электробритв, холодильников, стиральных машин, телевизоров — большой охотник до мировых вояжей, Никита-чудотворец повелел в сумасшедшие по скорости сроки внедрить в Союзе точно такие же, давно освоенные Западом бытовые чудеса. Что и было сделано действительно в рекордные по времени сроки.

Однако! В те же годы шквал раблепия перед Разрушителем культа личности достиг небывалой и при Сталине вышины; ни один партийный пленум, съезд... да что там брать такие величины... наши скромные, никому не нужные курсовые техникумовские работы, тем более дипломные проекты, неминуемо начинались с подобострастного пиетета перед ЦК КПСС, Советом Министров СССР, одинаково возглавляемых Кукурузником, и личным реверансом перед ним, счастьем, светочем, кормчим советской Отчизны, еще, правда, не увековеченным Серафимом Туликовым и иже с ним, в песнях, кантатах, ораториях. А, может, увековеченным, а я проглядел, прослушал?..

Город Гавана, 17.03.64.

Привет из Кубы!

Здравствуй, Валерочка! Спешу сообщить, что письмо твое я получил, за которое очень тебе признателен. Как говорится, успокоил и пролил бальзам на душу. У нас сейчас очень большая жара, «муча колор» — очень жарко, так кубинцы говорят. Сам смотрел термометр, и он показывал +43, это было приблизительно в 11 часов дня. И это еще только начало. Последнее время идут дожди, конечно, не такие как у вас, а тропические ливни, просто как из ведра. Влажность воздуха тоже очень большая, утром встаешь и вполне можно выкручивать простыню. Не верится, что ты пишешь про март, и зима у вас еще стоит. За фотобумагу спасибо, но я так ни кия ни одного письма не получил. И мамаша высылала три пачки, та же судьба... Так что теперь, если кто в отпуск из наших поедет, привезет. Шоферские права дело отличное — учишь, когда еще отучишься, а тут от военкомата, не платить и груз на плечах не носить. Прогибайся! И, вообще, пока не забрали, пей, гуляй, подругам под хвост давай, чтобы потом три года было что вспомнить...

Про аварию на «Титанах» мне Юлька написала, этот завод и был построен на человеческих костях, ты же знаешь от своих стариков, что там до войны эковский лагерь располагался? Ну вот и результат. А комиссии... Это так, ложь, балдеж и провокация, внимание народа отвлечь. Не верь! Людей теперь не вырвешь из пропасти, не спасешь, о чем ни в сказках у нас не расскажут, ни в песнях о них не споют. Какие газеты, ты что, екнулся? Там все, небось, об урожаях зерновых и зернобобовых. Ну, будь здоров, салага молодой (не обижай-

ся, это мой дружеский шарж). В самом деле, пошел мой дембельский год, а твой — каторжный. Как там Жора поживает, раздолбай? Гоняет на папиной «Волге»?

Город Гавана, 20.04.64.

Первая партия дембелей уезжает в начале мая, а мне еще не светит насчет Родины, видно, долго еще пахать здесь. Жара упала, но задули ветры с моря, а так нормально. Получил из дома фотографию дочки, если бы ты, Валера, знал, какая у меня красивая и взрослая уже дочка, я просто налюбоваться ею не могу, таскаю фото с собой. Жора, говоришь, уходит к папе на мясокомбинат? Можно было предвидеть, Атоянцы с тем комбинатом близнецы-братья, от прадедушки еще их вотчина. «Танцы-шманцы-обжиманцы, вальс танцуют Атоянцы», — помнишь? Ну, ты на его место в трест не попадешь, это сто процентов, старик твой не на «Волге» ездит, а на мотороллере, и то служебном. Так ведь, Болеро? Ты не спеши, покрутись еще в батрацкой робе, а я приеду — у тебя буду опыт перенимать. Без булды, освоишь на стройке все своими мозгами, прощупаешь каждую стеночку своими руками, лучше поймешь то, что нам в академии давали. А то рисуют на доске ж.б. конструкции — балки, фермы, ригели, а мы их в жизни видели? Нет, только на картинках в учебнике «Железобетонные и стальные конструкции». А это нос и палец, есть разница? То-то и оно... Кстати, Балеропсан, не поверишь, но я тут каждый день твою песню пою, даже пацаны переняли, подхватывают. Ты молоток!

Ах, сколько лет студентами корпели,
Ах, сколько лет сидели над конспектом,
Всегда вечернюю порою мы принимались за проекты.
Подругам нашим тоже доставалось:
На вечер танцев некогда сходить,
Нельзя им было приодеться
И хоть немного отдохнуть...

Пишу после отбоя, работы подвалило уйма, устаем, как черти, все готовим, красим для передачи кубинцам... Привет нашим. Ваня.

Город Гавана, 20.04.64.

Не дождавшись ответа, пишу праздничное письмо, надеюсь, получишь к Первомаю? Вчера, в воскресенье, возили нас на пляж. Ты не представляешь, что здесь это такое. Кругом полно зелени, искусственных построек. Территория четко расчерчена на три маленьких предпляжа, а разделяются они между собой скалистыми валунами, уходящими в море примерно метров на сто. Первый для белых гражданских, второй для кубинских солдат, а третий для негров. Как был до Кубинской революции курорт американский, так все и осталось. Но на берегу общаются все вместе, вперемешку. Здесь же, на пляже, киоски сокиводы и бар, где с часу дня начинается чисто джазовая музыка, до утра слушал бы и слушал, какие мелодии, какие виртуозы там наяривают, какие у них инструменты... Это же «лейся песня»! После моря заходишь в душ, а он, как храм, все сверкает никелем и пластиком, раздевалки такие, каких ты, Валера, и во сне не видел. Да и для любителей острых ощущений есть все удобства, на любой карман, ты понял, да?

Но для меня радостней всего был теннис. Ох, и дорвался! Погоняю шарик до потери пульса, а как в пот бросит — бегу в море — и опять ракетку в руки. Это удовольствие было до 4-х часов дня. Потом нас на машины и опять туда, куда сам должен понимать. Вода в Карибском море очень-очень соленая, аж горькая. Вечером показали фильм «Альба Регия». А в следующее воскресенье повезут опять на пляж. Для меня это все, а то чокнусь; если начинаю думать,

как жена с дочкой там, а я здесь — и сколько еще пробуду, неизвестно, — настроение сразу становится на букву «Х». Как там Жора-хлястик? А у тебя настроение праздничное? За стол сядешь с Челитой? Ну-ну... С приветом, Ваня.

11 мая 64г.

О, что же ты так ругаешься на старика, салабончик? Виноват, задержал ответ, но так сложились обстоятельства. А вы, батенька, оказывается, вон каким злым можете быть, я и не знал... Я тебе объясню. У нас в подразделении выгнали за пьянку одного хлебореза, и нужна была срочная замена его. Вот и поставили меня на эту должность. Но кроме хлеба я должен был выдавать булки, масло и сахар, короче говоря, король основного питания. В смысле пожрать — сколько хочешь, но, с другой стороны, работа адская, вкалывал по 15-16 часов в сутки, вставал в 4-30 и крутежня до отбоя, свободен только в 9 вечера. И так — каждый день, чуть ли не круглые сутки на ногах. Первые три дня ноги болели ужасно, это что три дня подряд по три матча в день отыгрывать. Потом вроде немного привык, втянулся, но, все равно, времени свободного почти нет, и мне эта кухня не понравилась. Через три недели попросил замену, а ее не дают, тянут резину. Как прогнуться? Я в санчасть, пацаны дали бинт, руку замотал, как культу, и почухал к командованию дивизиона, просить замену. Вернули на старую должность. Учись!

Уезжают последние дембеля, а там и нам собираться. Как ты провел День молодежи, с Челитой? Горячая девочка? Ну-ну, молчу. Видел ты мою красотку? Она мне пишет, что, мол, много работает, порой в две смены, а иногда после работы остается, допечатывать там что-то на машинке... Недурно, а, Валера? Муженек в армии, а жиночка после работы печатает. Ты, может, меня просто успокаиваешь, мол, все в норме? А ты присмотри там повнимательнее за ней, незаметно, так это... Ну вот и все. Пиши, что у тебя и что в городе нового? Как же я скучаю по нашим местам, хоть бы на полчасика на ковресамолете каком пролететь над городом, туда, по реке, до Мамаевщины, над парком, над Липками, по центру, помнишь, как мы у Дома пионеров вермут перед танцами жлуктали, рукавом занюхивали... В следующий раз вышлю тебе пляжные фотографии, посмотришь, что это такое Варадеро, какие по нему чумички бродят! А как у тебя обстоит насчет призыва, когда грозятся забрать? Балеропсан, не вздумай чудить и косить от армии, никого не слушай, только хуже себе сделаешь, чему быть — тому не миновать, нас миллионы, тех, кто служит. Ничего, прогибаемся... Пиши! С приветом, Ваня.

Привет из Кубы! Я тут просматривал кое-какие модные журнальчики, решил от нечего делать и тебе послать кое-какие вырезки по части «кройки и шитья», полюбуйся, по-моему, иллюстрации в порядке! Как они тебе, по вкусу, эти модницы? Честно говоря, я сам первый раз онемел на полчаса, потом еще час с духом собирался, прежде чем в руки взять, аж язык пересох. Да многих наших пацанов трясло... У нас разве такие силуэты где увидишь? А тут фасоны в любой позе, на любой вкус и цвет, запросто... Вживую бы, Болеро, представляешь?

Город Гавана. 4.06.64г.

Валера, спешу сообщить тебе, что у меня сменилось место работы, теперь я на противоположном месте Гаваны, где и останусь, видимо, до последних дней пребывания на Кубе. Ребята подобрались неплохие, природа поразнообразнее, и я теперь командир отделе... бригады птицеводов, понял, да? Пиши по новому адресу: Москва 400, п/я 293 «Д». Как у тебя жизнь, как провел День

молодежи? Жиночку мою там нигде в парке не видел? Пишет мне, гуляет по вечерам с дочкой у реки... Хочу верить, а червячок точит. Смеешься, молодой? Ничего, женишься — поймешь.

Каким же ты оказался пророком, Иван! Чтобы не показаться занудой, расскажу о том, что по твоему предсказанию произошло у меня через десять лет. В ту распроклятую первомайскую ночь вернулся домой после затяжной гулянки у себя в конторе и... прождал жену, терзая шагами комнату по диагонали взад-вперед, до самого рассвета. А встретил солнышко в окне вместе с прежним «солнышком» своим — вконец измученной, бледной, криво улыбающейся, с забрызганными до колен то ли дождем, то ли водой из лужи ногами, прикрытыми изрядно смятой юбкой... Сопровождающий ждал ее под окнами. Значит, после неведомого мне ночного похода эта пара уже договорилась, что «солнышко» зайдет ненадолго, посмотрит, как спит наш (наш?) четырехлетний сын под моим присмотром, быстренько протараторит, что скоро ее мама сюда приедет и заберет ребенка пока к себе — и сразу уйдет...

Но, может быть, по неистребимой бабьей привычке всегда доказывать мужикам свою правоту, напоследок захочет проверить, не задержу ли я ее, не стану ли на колени и не буду ли упрашивать остаться?..

Но это произойдет через десять лет. А пока еще ни я, ни Иван не знаем, что ждет нас впереди.

Город Гавана 18.08.64г.

Привет из Кубы! Здравствуй, Валера, разгильдяй!

Что молчишь так долго? Ну, Жора женился, я знаю, мне жиночка написала. Ты его эту Инку раньше где видел? Там станок в три обхвата, мы когда-то в одном дворе жили, я ее школьницей помню. Жора таких жирных куропаток любит. Напиши, кто из наших пацанов был на свадьбе? А жиночке моей как повезло: выиграла по лотерее холодильник. Я сколько на гражданке эти билеты покупал — куйфайки поганой не выиграл. А тут — на! Баллон мой теперь пивко холодное в «Саратове» держит. Погода здесь плюс 45-48, после обеда сильные грозы. Вчера были на пляже, нащелкали снимков до одури, а вернулись — оказалось, «ФЭД» у пацана неисправен, и все наши труды улетели в звезду... Насчет порнографии трудновато, пресекают это дело очень строго. Но для твоих пацанов высылаю просто прежние пляжные кадры с Варадеро, полюбитесь там на здешних чувих. У них всегда карнавал, ходят голяком почти, а худишек здесь просто нет. Да, Болеро! В нашей местности влажность большая и поэтому фотки быстро начинают желтеть. Короче, какие мастера, такие и фотографии... Передавай горячий привет всем ребятам, шлю им два фото пока, в следующем письме пришлю еще пять, а ты напиши, как получишь... Где Жора свадьбу справлял, там же, где и мы с Юлькой тогда гуляли? Узнаю тот тротуар, вижу трансформаторную будку, там и клумба рядом та же, около столовки «Военторга»? Помню, батенька, твой репортаж у той клумбы, когда мы вечером покурить вышли, до сих пор помню, как ты мне тогда в туфли надул...

Я и сейчас тоже хохочу, когда ту Ванькину свадьбу вспоминаю. Было дело! А на фиг столько «Перцовой» на стол сразу понадобилось выставлять? Мы же в сложных взаимоотношениях с алкоголем были пацаны, к тому же готовые из штанов выпрыгнуть, лишь бы произвести впечатление на томных подружек. Вот и укушались в три секунды той коричневой, действительно, отдающей молотым перцем бурды, которая сильнее вина, но слабее водки... Чудили, как могли. Я вел шуточный футбольный репортаж, подражая Синявскому: «В штрафную москвичей проскакивает Сабо. Он пяткой отдает мяч Бибе, Биба Сабе, Сабо бабе, баба Бибе, Биба бьет бабу!..»

Пацаны ржали ровно столько, сколько потребовалось, чтобы до Ванькиных туфлей дотек наконец горячий ручеек переработанной моими почками «Перцово-вой настойки». И скомпрометированный сим ужасным фактом жених возопил: «Ты, Синявский!..»

Вот не помню только, Ванька тогда пошел к невесте в тех же своих, мною скомпрометированных туфлях чешской фирмы «Батя» или надел чьи-то другие, новые или растоптанные... А репортаж и он, и я, помним. Как же! В полной темноте, в сложных погодных условиях: ветер, морось (кгм), зело выпивши воспроизвести игру двух самых популярных команд Советского Союза... Уметь надо! Клянись Ловчевым!

...Сержанту Ивану Кольцову оставалось служить совсем немного, о чем и говорили его последние кубинские письма. Что интересно, думаю я сейчас, перечитывая их, как же поменялась тональность разговора, от прежнего братского, доверительного, порой просящего и чуть ли не заискивающего в первое время солдатчины до наставительного, грубоватого, требовательного, когда пошел у него заключительный год службы. Понятно: вчерашний «черпак» в армейской иерархии, поднимаясь по годам-ступенькам, теперь приобретал высший сан, становился его величеством стариком. Забронзовеешь тут...

Город Гавана. 10.09.64г.

Здравствуй, Валерочка-салабончик!

В какие войска ты еще попадешь — не строй планы и не обнадеживайся. Вот хотя бы возьми пример с меня, сколько я за два года мест поменял, в каких войсках только не был — страшно вспомнить, от Бердычева до Гаваны... А наш военкоматский приписной ВУС (военно-учетный стол) тоже поначалу меня то ли в авиацию, то ли в морфлот законопатил, когда я, как и ты, поплавок на медкомиссии выше крыши выдохнул... Вот и греб бы я сейчас на подводной лодке... Кому повезло, так это Витьке Шуле, если, действительно, он попал в стройбат. Пусть держится двумя руками за назначение, там и бабки будет получать, и служба по сравнению со строевой будет сказка, считай, что на воле, увольнительных просить не надо, и к концу службы сберкнижку домой привезет, да и чему учили в нашей академии не забудет, наоборот, только опыта прибавит... А я уже дождался приказа Малиновского, так что пошел третий год моей службы, теперь еще внимательнее слушай меня, «старичка»...

Да, Иван уже тихо праздновал с друзьями долгожданный приказ героя испанской войны, полководца Великой Отечественной, маршала Родиона Яковлевича Малиновского. Присматривал там себе в магазинчике «Военторга» или где-то на пляжных торговых точках классный дембельский чемоданчик и думал о том, что такого потайного, ценного, в Союзе невиданного вложит в кармашки кофра перед отплытием со своей «птицефабрики». А мне еще только предстояло собираться в дальний путь, на долгие года...

30.X.64г.

Привет из Кубы!

Письмо твое, наконец, получил, и ты мне, салага, мозги не засыпай, что работой был загружен, лучше прямо скажи, поленился, вот и все... Кого ты хочешь накрутить, салабон, старика, который тянет третий год? Так это не проханже. Я молчал, потому что думал, ты уже забрит и ждал твоего военного адреса, а ты просто сачковал... Ты прав о моем изменившемся характере, но не будем сейчас это обсуждать, лады? Мне и матушка, и жиночка пишут то же самое, что я поменялся... А кто бы не поменялся, кидай его каждый месяц из огня в польмя, как меня, то в одну звезду, то в другую, от Бердычева до Казахстана и от Москвы до Гаваны... Ладно, Валера, не гуди.

Я теперь отгуляю здесь в последний раз праздник Октября, а Новый год подойдет — тоже в последний раз. Погода у нас самая поганая, идут дожди тропические и вообще пошла пора ураганов. Ездить, гулять не тянет, ребята отравились в Гавану, а я сижу в бытовке, катаю письмаца.

Слышь, Балеропан, неделю назад приезжал к нам за ворота птицефабрики министр обороны Кубы Рауль Кастро. Рауль — родной брат Фиделя Кастро — очень простой, веселый мужик. Когда он прохаживался по нашей территории, т.е. где живем, кушаем, смотрим кино, я был на соревнованиях по волейболу. Рауль пришел на площадку к нам, а мы игру прекратили, рты пораскрывали, стали и смотрим. Ну, он подошел и спрашивает через переводчика, что это за игра, кто выигрывает? Потом отстегивает свой ремень с кобурой, кладет гимнастерку на лавочку и в одной майке начинает играть с нами. Я на подачу... Ну, смеху было до устачки. Он играть ни хрена не может, до сетки прыгает, а не достает, ростом ниже Фиделя чуть ли не в половину. Так он поиграл минут 15, умаялся и ушел вместе со своей свитой в парк смотреть технику. Нам ручкой помахал. Ну вот и все новости.

Как там Жора с молодой женой: Инка, небось, уже с арбузом? Как, вообще, все наши пацаны и бабы? Ты говоришь, к концу ноября забреют? Слышь, Болеро, мне поступили сигналы кое-какие в отношении моей жиночки. Так я тебя попрошу на праздник, да, на Октябрьские, присмотри там, бляха-муха, по соседству, куда она пойдет, с кем там в компании будет и потом напишешь мне. Только сделай это осторожно, Юлька баба зоркая... Я надеюсь, ты понимаешь, как это можно сделать? Валера, поздравляю тебя с праздником Октября! Привет всем нашим пацанам, знал бы, как я по вас всем скучаю в этой... кактусовой роще... Высылаю тебе свои фотки, правда, слабые, но, какие уж есть. Пиши сразу после праздника.

С приветом, Ваня.

Вот это уж точно, с приветом ты, Ваня! Пишешь мне: «Ты понимаешь, как это можно сделать»... Как, кубинец? Как именно? Нашел Шерлока Холмса... Моего отца фронтовой друг, старый пьяница Афанасьев, у которого я на праздничном майском кителе насчитал семь орденов и двенадцать медалей, на все мои пацанские мольбы хоть что-то рассказать подлинное о своей фронтовой службе отвечал всегда одной и той же приказкой: «Лес в дыму и в жопе ветка, это в бой идет разведка...» Вот командира отдельной разведывательной роты гвардии капитана Афанасьева, который когда-то не удержал меня, малого, на шатком мостике и дозволил съехать хрюндем прямо в канаву (шрам на лбу остался на всю жизнь) — его бы, головореза, специалиста по доставке в штаб Южного фронта захваченных «языков», кинуть на выполнение твоего, Ванька, оперативного задания. Он бы смог. Впрочем, что скучить. Я тоже смог.

Повестка о призыве мне пришла в конце октября с датой явки на сборный пункт военкомата 17 ноября. Положенный за две недели отпуск я взял с первого числа. И тут же попал в ласковые и нежные мамины руки, не чаявшей с утра пораньше дожидаться моего пробуждения, чтобы первым делом предложить «ты бы»... «Ты бы вынес мусор... Ты бы принес из колонки свежей водички... Ты бы ходил в магазин за хлебом...» И так — до позднего вечера, пока не прозвучит прощальное пожелание: «Ты бы не читал так допоздна прочетные книжки»...

Чисто мамино выражение «прочетные книжки», так же, как и ее знаменитое «стуло» вместо стул, словечко, от которого я не мог отучиться до зрелых лет, потом еще что-то, уже, правда, подзабытое. А! Почему-то красную смородину она упорно называла паричкой. Я нигде и никогда больше не слышал ни от кого тако-

го названия. Ладно там, в Сибири, именуют эту ягоду кисличкой. Но паричкой? Наверное, это у нее на родине, в городе Глухове, садоводы в древние времена породили и навсегда закрепили для внутреннего пользования за рдеющими на кустах кисло-сладкими бисеринками на продолговатых кисточках такое название — паричка.

Еще моя Елена Самойловна, и так щедрая на слезы по поводу и без, повадилась с утра пораньше встречать меня уже опухшими мокрыми глазами.

— Мама, что с тобой? Что случилось?

— Ничего. Я переживала.

И вот это ее скорбное «пэрэживала» — да еще с траурным придыханием, театрально опущенными веками, скрещенными на груди руками сразу вызывало у меня такую бурю гнева, что не знал я, куда бежать, где скрыться, чтобы аж до 8-00 17.09. 1964 года не появляться дома и не видеть эту похоронную процессию. Она «пэрэживала». А я? Мне каково, оставшемуся одному, лишенному друзей, приятелей, раньше моего загремевших в армию?

Ставший враз по-старушечьему тихим, бесцветным, как перед долгим прощанием, голос мамы весь день перемежался внезапными всхлипами, охами, ахами, от которых до затяжного плача и бурных рыданий оставались считанные мгновения. А уж если мама впадала в слезы — все, не жди добра — сколько ее ни успокаивай, какие дозы валерьянки ни накапывай.

— Мама, но ведь миллионы других ребят отслужили, служат, будут еще служить. Это что, война?

— Не дай Бог! Не говори так! Что ты знаешь о войне? Ты знаешь, что такое эвакуация с маленькими детьми под бомбежками? Что такое отстать от поезда? Что значит котелок воды в дороге и не подхватить вшей? Ты о чем говоришь?

— Хорошо. Почему Юркина мать не плачет, Костина, Мишкина? Только моя...

—хлопоты мне великие обо всех думать. У меня за своего сына сердце болит. Сядь хорошо на стуло, не вертись...

Наверное, в маме сидел природный талант драматической актрисы. Ее неподражаемый сценический эффект воздействия на зрителя, слушателя, ее надрывные монологи, весь этот трагедийный пафос речи, пронзительный взгляд цепких холодно-зеленых глаз с искринкой обворожительного пламени и выразительные жесты (одно заламывание рук чего стоило!) — могла бы повторить на репетиции, а затем воспроизвести уже в гриме лишь одна женщина в мире — гениальная дива периода дореволюционного немого кино Вера Холодная... А спародировать — только Чарли Чаплин.

Успокоить мою родительницу удавалось лишь ее двоюродной сестре, мне, стало быть, тетке — тете Нюсе. Второй жене ротного командира разведки в войну, а на гражданке — бывшего начальника городского отдела милиции Афанасьева Николая Николаевича, носившего в стане деклассированных элементов то ли уважительную, то ли признательную кличку «Коготь». По всей видимости, так прозвали его за беспощадную борьбу с внутренними врагами Отечества (как это у Куприна рассуждал дворник: «Враги Рассеи бывают внутренние и унешние») и дьявольскую способность отыскивать преступника, где бы он ни прятался — в стое сена, на дне морском, по чердакам, погребам, подвалам, блатным хатам... «Коготь», словно знаменитый ясновидец Вольфганг Мессинг, неизъяснимым телепатическим даром был наделен, преступную братву сквозь землю видел. За то и держали его столько лет у руля горотдела. Вот тебе и пьяница... А послужи-ка в милиции изо дня в день на самом дне человеческого, потолкись, чистенький, среди немислимого отребья, сброда, отстоя рода людского трезвым? Вправду, чокнешься. Мужиков, не менее двадцати лет относивших шинель цвета маренго, знающих на своей задубевшей шкуре, что такое расследовать двойные убийства, ходить на

задержание отъявленных бандюг, мерзнуть до атрофии чувств в зимних засадах, а потом еще объясняться в прокуратуре за правильность применения табельного оружия, и на хорошую-то пенсию во цвете лет провожают потому, что вконец изношена у них нервная система, болячек сопутствующих накопилось рой и седина пудрит смоляные раньше кудри гораздо раньше времени... Иди, милоч, иди в народное хозяйство. Заслужил...

Громогласная, необъятная в талии, часто курившая только папиросы муженька «Беломорканал», тетя Нюся появлялась у нас обычно по утрам в понедельник, в те часы, когда супруг ее, сраженный накануне в неравной схватке с «Зубровкой», оставался дома дрыхнуть в сладком опьянении, видя во сне родные и добрые лица случайных вчерашних собутыльников. Приносила тетка с собой коробку редкого по тем временам бело-розового зефира киевской фабрики шоколадных выробив (изделий) «Слащи» («Сладости»), пачку грузинского чая, хотя и помеченного их тбилискими или какими там — батумскими буковками, напоминающими ломаные спички, но расфасованного почему-то на чаеразвесочной фабрике в городе-Герое Москве. А еще — и непременный шкалик вина домашней выработки, ею же и уничтожавшегося в присутствии за всю жизнь не пригубившей ни капли спиртного мамы, молча, со страданием наблюдавшей весь одновременный теткин ритуал кушанья, курения, чаепития, винопотребления, но между тем успевавшей метать на стол перед всеядной сестрицей одно блюдо за другим. Справедливости ради нельзя не заметить, каждый раз перед уходом, тетя Нюся молча совала деланно отказывавшейся маме в кармашек ситцевого ее цветастого передника неслабую ассигнацию. Уж я-то видел. Мне б такую!

— Колька мой вчера до двух часов ночи засадал в выражениях тетка), с этим, ну, как его, начальником облвоенкомата... Такой же, Ленка, пьяница, как и мой.

И мама, и я прекрасно понимали, почему тетя Нюся делится этими не предназначенными для чужих ушей впечатлениями именно у нас и сейчас, как понимали и то, насколько врачующа, целебна, необходима особенно для тонкой, мнительной, особо восприимчивой последнее время ко всем внешнеполитическим событиям маминой души, эта правда, а может, и ложь во спасение...

— Говорит военком, никакой войны не будет уже никогда, муйня все это, Карибский кризис, ястребы, Кеннеди, — всклень, по венчик наливала себе хрустальную (из нашего праздничного сервиза) рюмаху вина раскрасневшаяся тетя Нюся. — Никуда, говорит, они не рыпнутся, господа капиталисты, против наших баллистических ракет. Никита не зря им там в ООН башмаком стучал, кузькину мать показать грозился. Сидите вы, говорит, за своим Атлантическим валом, ну и сидите, нос к нам не суйте, а то отхватим на хрен по самый корешок. Так что ты, Ленка, сердце парню не рви, ему тоже не мед с домом родным расставаться, верно, Валерон? Но он держится и виду не подает. Молодец! Тяпнешь со мной, племянничек? Приглашаю на брудершафт! — жмурила по-цыгански завлекающие, оказавшиеся гибельными для командира разведывательной роты, очи ух какая огненная Анна Львовна. Между прочим, тоже фронтовичка, успевшая хлебнуть в медсанбате последний год войны...

Мама тут же подхватывалась (не хватало ей, чтобы сыноньку спаивали у нее на глазах): «Нюся, ты в своем уме? Время десять часов утра, мы еще не завтракали, а ты со своей настойкой».

И (уже ко мне): «Ты бы попил чайку да съездил на кладбище, а то я теперь когда без тебя выберусь? А оградка там так и стоит непокрашенная»... Как же о многом говорили мне и без слов всегда такие выразительные, унаследованные мной мамины глаза, цвета спелого крыжовника, слава Богу, не выцветающие и с годами. Действительно, пора, сколько можно обещать, откладывать на «завтра», «пос-

лезавтра», «в понедельник, когда народу на кладбище будет поменьше». Вот уже он, понедельник. И народу на погосте будет ровно столько, сколько бывает всегда, ни больше, ни меньше. А кто знает, каким будет для меня следующий после выходного день? Может, даже сегодня, раньше срока поднимут с вестовым по тревоге и погонят в чист, где мордатый старшина рявкнет у ворот: «С места, с песней ша-а-гом, марш!»

Трум-та, трум-та, трум-та-та-та-та... «Этот марш не смолкал на перронах»...

Короче, берем быка за рога, а велосипедик мой дорогой за руль, помещаем на багажник извлеченный из кладовки короб с инструментами и краской. И — пока-пока, дорогая моя тетя Нюся, не забудь, приходи с дядей Колей на проводы... Мама, на обратном пути в магазине надо что купить? Ничего не надо? Пачку крупной соли? Я понял. Пока!

Привязалась же ко мне сегодня эта маршевая мелодия о прощании славянки... Вот что значит, подспудно, неотвязно думать об армейской службе; мысли как застрянут с утра, так в мозгах и сидят, о себе напоминают. Кстати, а Челита — славянка? Хм... Значит, и Ваньке она нравилась? Я ей иногда пересказывал его особо интересные письма. Недавно рассказал, что вспоминает наш «кубинец» о том, как мы отплясывали с ней у него на свадьбе буги-вуги, когда у Челы взлетала выше крыши юбка-колокол...

Челита лукаво повела карими глазами: «Правда вспоминает?..»

Орудя где щеткой, где предусмотрительно прихваченным из дома стальным шпателем, я счищал слой за слоем облупившуюся старую краску, протирал изгибы, куполообразные пишки и навороченные вдоль всей оградки разные чугунные финтифлюшки смоченной в ацетоне тряпицей, тихо напевая под нос о том, как бойцов наших в душных вагонах поезда уносили на фронт. Предстояло теперь самое приятное — обновление черной, как чертежная тушь, краской решеток с четырех сторон и калитки. Перед финишем можно малость и покурить. И вдруг:

— Я тоже сначала удивлялась, потом узнала, кто это, — прозвучал чей-то женский голос у меня за спиной.

Не сразу, в два приема разогнувшись после трудов праведных, оглянулся на этот голос и чуть не ахнул: Юлька! С ума сойти, Юлия Кольцова собственной персоной. Вот это да! Тоже пришла убраться на бабушкиной могиле?

— Нет, Валера, у меня здесь отец похоронен.

— Как отец? А тот, плясун, в очках, с бородкой, что хороводил всех на твоей свадьбе? Отчим? Юля, прости, я не знал...

— Папа столько всего прошел, — задумчиво качала головой Юлька, не сводя глаз с неподалеку стоящего черно-мраморного обелиска, увенчанного красной звездой. — Курсантов учил летать, сам повоевал в Йемене, об этом нельзя было рассказывать. Его посылали секретно... Вернулся — мы стали жить в Саратове, в самом центре, где памятник Чернышевскому. Папа летал бомбить заторы на Волге, когда водохранилищу беда угрожала. Он боевым полком командовал, шел еще на повышение...

Зная, что никогда нельзя перебивать процесс воспоминаний, я молчал, слушая Юльку. Я был готов к продолжению Юлькиных подробностей об отце. Но она, сменив тему, заговорила о склепе, братской могиле, поблизости от которой мы сидели на уютной лавочке, за оградой. Юля откуда-то знала то, чего не знал я: отступая в 1943-м из нашего края, немцы мстили до последнего; вот и этих ребят, вместе с их родителями, соседями, за связь с партизанами загнали в сарай, забили его досками и подожгли... Только узенький лаз, покинуть который можно было лишь скрючившись в три погибели, позволил бежать в лес одному из приговоренных, тогда еще совсем мальчишечке, Андрею Белкину. Помнишь, работал у нас

директором мясоптицекомбината Андрей Матвеевич Белкин? Нет? А я помню. Нет, теперь его уже не встретишь, он с первой волной укатил со всей семьей то ли в Израиль, то ли в Америку. Пока стройка мемориала шла — Андрей Матвеевич каждый год в октябре в Союз прилетал, сюда приезжал. А потом серьезно заболел, не знаю, жив ли... Но и сын его, и дочь по-прежнему поочередно каждый год сюда наведываются. Знают родственников всех тех людей, что спасли отца, собирают их, и они все сначала посещают кладбище, возлагают здесь цветы, служат в церкви заупокойную, а потом в ресторане «Холодная гора», поминают. Там Белкиных родственница в ресторане директорствует, я один раз была с тетужкой своей на тех поминках, там такие столы накрыли... Ну, а что? Белкины очень богатые люди, могут себе позволить. И, знаешь, Валера, каждый приглашенный на тот поминальный обед, правильное даже сказать, на тризну, получает от имени Андрея Матвеевича какую-то помощь, всегда нужную, необходимую... Так вот.

Юлька без слов прильнула со своей болгарской сигареткой — не разобрат, то ли «БТ», то ли «Стюардессой» — к огоньку моей «Явы». И настолько трогателен, беззащитен был в эти минуты ее нежный затылок, так совершенно по-детски ниспадали колечками вьющиеся локоны и доверчиво глядели снизу вверх на меня серые ее глаза, что ни известный со школьных лет некий стоик Базаров, ни фанатично жаждущий революционных перемен гвоздодер Рахметов, и те бы не устояли — обязательно чмокнули девушку в сладкое местечко. Что уж говорить обо мне, романтике и мечтателе до мозга костей?! Слабая, все понимающая женская улыбка была закономерным ответом на тот мой искренний, неминуемый поцелуй.

— Июль... Извини, ты не договорила. Так с папой-то что произошло? — теперь я не отводил глаз с высоко поднятого над землей обелиска в черном мраморном одеянии, до которого, оказывается, и всего-то лишь один поворот от бабушкиного захоронения.

— Катастрофа... — горько улыбнулась Юля. — Только не на небе, а на земле. Мама верно говорит, какой-то злой рок, судьба... Представляешь, поехал он летом с мамой в Москву, там ему надо было днем в штаб попасть, а на вечер созывали друзей, праздновать свое повышение. Утром, прямо с вокзала, они на такси — в центр, столик заказали в «Метрополе», куда простым смертным вход заказан...

Юлька вновь печально улыбнулась, стряхнула в опустевшую сигаретную пачку пепел. И в жгут скрутила картонную пачечку.

— Мамулечка моя вся такая разнаряженная, счастливая, красивая, стоит у высоченной бетонной лестницы, ждет папу из отдела кадров, — это у метро, где военная академия имени Фрунзе, я там была, знаю... Дождь пошел, а мама без зонтика, сумочкой принакрылась, выглядывает, куда бы ей перебежать, чтобы вконец не промокнуть. А тут и папа появляется, летит ей навстречу, прыгает, как мальчишка, со ступеньки на ступеньку, победными бумажками размахивает. Мама уж рот открыла, хотела крикнуть ему — остановись, успокойся, скользко же...

У Юльки перехватило дыхание. И я не рад был, что подвиг ее на такой разговор, черт меня дери...

Дальше она могла бы не продолжать. Бетонные ступени, мокрые от дождя. Крутой, нерасчетливый бег по ним, скользкий бетон под проливным дождем, одно неловкое движение, полуоборот, может быть... И хрупкий человеческий висок находит по воле рока ту самую проклятую ступеньку, окантованную на уголке стальной лентой...

Молча выкурили мы еще по сигаретке, по очереди попили удивительно вкусной родниковой водички прямо из раструба, одиноко, как журавель, торчащего неподалеку над землей крана, склоняясь к которому нам, мужикам-то, ничего, а женщинам поневоле приходилось являть миру более чем декольте в их платьях с

вырезом... И как тут было отвести глаза от такой красы? Молчание затягивалось, это в школьных сочинениях был весь такой краснобай, а с девушкой наедине... Простите. Если только она сама заговорит о чем-нибудь. И она заговорила.

— Что, Валера, читаешь? Посоветуй интересенькое?

— Юлечка, да я же полоумный в этом отношении, читаю по три книги сразу.

— И все-таки? Например?

— Например, Ефим Черняк, есть такой историк, «Пять столетий тайной войны», а параллельно Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» и его же «Вино из одуванчиков».

— Интересно?

— Не то слово. Просто взахлеб. Успеть бы только до призыва прочитать.

Юлька с любопытством посмотрела на меня. Порывисто вздохнула. Ловким движением тонких пальчиков сняла то ли серебристую паутинку, то ли расплавленную нитку с ворота моего рабочего свитерка. И вновь вздохнула.

— Я, ведь, Валера, не просто так спрашиваю. Собралась недавно с духом и решила Ванечке моему очень серьезное и решительное письмо написать.

Я похолодел.

— О чем?

— Да что пересказывать? Оно со мной. Послушай.

Ваня. Я читаю сейчас каждый вечер и до поздней ночи в «Иностранке» русского француза Ромена Гари. Вот кто безвестный и молчаливый друг мой, несчастный самоубийца. И я думаю, если бы по новой довелось мне жить с человеком, то лишь с таким, как он, потому что, тысячу раз прости меня, так созвучны оказались с этим писателем наши души. Как я понимаю каждую его строчечку, каждую букровку и запятую, каждый вздох его изумительной прозы. А помнишь, я тебе говорила, когда ты укорял меня за долгое молчание, что родственные души разговаривают молча. Чужие души, даже произнося слова, молчат. Вот так и живу я сейчас не с кем-то, как ты по глупости своей меня допытываешь в каждом письме и подозреваешь, а с Гари — вдвоем в нашей уютной спальне; хорошо вместе уживаемся, журналчик и я под жаккардовым пледом, оба — при свете настольной лампы, свадебном подарке твоего дружка.

Вот ты пишешь, что представляли тебя на старшего сержанта, я не очень понимаю, что это такое, но, наверное, нечто очень важное для тебя, и, мол, сорвалось, не утвердили... Ванечка! Об этом замечательно пишет Гари — о его юношеском крушении надежд на офицерскую карьеру. И я сочувственно прикусывала губы, читая твои письма и его признания. Послушай: «Двести пятьдесят, двести шестьдесят фамилий... Внезапно я похолодел от страшного предчувствия. До сих пор ощущаю у виска каплю холодного пота... Нет, это не воспоминание: только что, двадцать лет спустя, я смахнул ее рукой. Надо полагать, что это рефлекс Павлова. Даже сейчас я не могу вспоминать о той страшной минуте без того, чтобы капля холодного пота не выступила у меня на виске.

Из почти что трехсот курсантов-наблюдателей я был единственным, кто не получил звания офицера.

Мне не дали даже сержанта, даже старшего капрала: вопреки всем правилам устава меня произвели только в капралы...»

Я понимаю отчаяние Гари. Я не понимаю твоих, Иван, стенаний. Лычки для тебя важнее меня? Почему ты ни разу за все это время не спросил, как я себя чувствую после родов? Думаешь, это так легко рожать, когда у тебя разламываются кости... Старший сержант... Это что, профессия? Ты и на

гражданке будешь ходить с солдатскими погонами? Глухарь! Вот ты кто... И, может, товарищ сержант, нам лучше расстаться, чтобы не мучить друг друга?..

— Юля, но ты Ивана тоже пойми, — без всякого умысла, сама по себе легла моя рука в доверчиво распахнутую Юлькину руку. — Ему там какво? Что только солдат на чужбине, вдали от дома не передумает? А твое письмо его вообще доконает. Не надо, не отсылай. Написала, выговорилась, и забудь, вопреки уставу, морали, этике и любезным твоим коллегам. Небось тетки твои на работе посудачили, поморгали между собой и подначили тебя втравиться в словесную перепалку с мужем? Так?

— Да я понимаю..., — не столько отвечая на мой вопрос, сколько на свой, внутренний, задумчиво сказала Юлька.

Мы договорились с ней, закончив свои дела, вместе потом пойти на выход. И все то время, пока красил оградку, калитку, решетку, пока отмывал ацетоном, а потом криничной водой из банки малярные кисти, а следом запачканные краской руки, я все думал и думал, можно ли откровенно спросить Ванькину жену, объясняются ли ее записки на тетрадном листке эпизодом минутой слабости, нервами? Любит ли она своего мужа по-прежнему или все уже проехало, угасло? Продолжаются ли у нее отношения с женатым мужчиной Жорой Атоянцем? И где она проводит свободное время, кроме, понятно, чтения увлекательных романов и занятий с маленькой Светланкой?

Но за такие по-солдатски прямые вопросы она может мне и в лоб закатать, и будет права. «А вообще-то, — тогда же думалось мне, — какво это молодой, юной, совсем, можно сказать, девчонке, по воле судьбы рано ставшей женой, мамой, солдаткой, нескончаемых три года ждать суженого? Тут и три дня разлуки с любимой кажутся вечностью, а если триста шестьдесят пять умножить на три? С ума сойти...»

Так впервые тогда всерьез задумался я над Юлькиной судьбой.

Ванька — да, считай, на другом конце света мается от тревог и сомнений, не в силах одолеть стоящие перед ним преграды. Юлька здесь самые свои цветущие годы отдает... Чему? Кому? Дочери? Родителям? Работе? А незамужние подружки-сверстницы по-прежнему, по-школьному тянут ее то в кафешечку посидеть, поболтать, то на вечеринку, то на речку-реченьку на пляже понежиться...

Юлька ждала меня у развилки, раздумываясь на свежем воздухе, лукаво постреливающая серо-голубыми глазками, первой желающая что-то спросить. Наверняка тоже наш предстоящий разговор обдумывала. И поняла, что инициативу надо брать в свои руки, пока я не перехватил.

— Послушай, Валера, — придерживая руль моего велика с другой стороны, хохотнула Юлька, — а почему тебя Иван постоянно то Болеро, то Валеропсан в своих письмах называет?

Теперь пришла пора смеяться мне.

— Ну мы же с ним старые футбольные волки. Когда играли за юношей в «Электроне», тренер наш, Зуб Константин Аркадьевич, тот, что сейчас харьковский «Авангард» тренирует, постоянно мне втыкал за художественные финты, мол, крутишься, как балерина в «Баядерке». Так и пошло: Болеро, Балеропсан в Ванькиной интерпретации. А я финт Славы Метревели отрабатывал; прокидывал мячик сбоку бровки, как он, себе на ход, а сам останавливался. Пока соперник башкой крутит, где шарик, я за его спиной уже пас прокинул...

Мало что понявшая в моем объяснении Юлька чисто из вежливости улыбается и восторженно задирает пальчик: вот это да!

— А подрались вы с ним за что?

— Ну, ты глянть! Неужели Ваню и об этом тебе рассказал...

— Ты только не пиши ему, пусть будет между нами, — не стала отпираться Юлька.

— Да не было драки, Юль... Дело прошлое, мы тогда с курским «Трудом» на кубок играли. Я выхожу на верный гол, а Иван не пасует, сам бьет и мажет, я опять на той же точке жду пас, а он опять сам бьет и мажет... В раздевалку зашли, я весь на нервах, ему ору, мол, не подавишься в одно горло жрать? Он мне, правда, хлесь... Я не успел, пацаны оттащили, только плюнул ему в морду. Хорошо, зуб тогда не видел, а то бы хана. Обоих бы выгнал...

— Странные вы люди, мужчины, — пожимает загорелыми плечиками, принакрытыми пестрой косынкой, Юля. — То деретесь, то плюетесь, а в итоге вон как дружите... У слабого пола все не так.

— А как? — не могу не любопытствовать я, с детства терзающийся смутными догадками о девичьих тайнах и секретах.

— Ну, во-первых, это вечная зависть, потом въедливость. И... отстань, Валерка, я же тебе сказала, не так и все, — уклоняется от подробностей Юля и скорбно вздыхает:

— Помнишь у Достоевского: «Люди и созданы, чтобы мучить друг друга». Читал в «Идиоте»?

По слишком уж спешному моему кивку поняв, что со знаменитым романом великого писателя мне еще только предстоит когда-нибудь познакомиться, Юлька, встряхнув копной своей причесочки а-ля Бриджит Бардо, негромко охает, вроде как от неловко подвернувшейся ноги в тупле-лодочке. И я, не такой уж проныцательный психолог, понимаю, что это лишь прием, легкая уловка, чтобы отвлечь от ненужной темы. Всегда имеющийся в запасе у женщины маневр переключиться на иную тему. О чем? Да о чем угодно!

Хотя бы о дочке, пухленькой малышке Светочке, которая хотя и растет не по дням, а по часам, но все еще не выговаривает букву «р», — к логопеду, что ли, начать ее водить? А так девочка очаровательная, обожает с дедом на рыбалку ездить, ловить на «лечке» «косаликов», как она называет карасиков...

У кладбищенских ворот нам с Юлькой прощаться. Ей — недоступной, независимой, гордой барышне — песенной московской Аэлите, у которой «тупли-лодочки в пыли», ехать в центр, на улицу Псельскую уже показавшимся на «кругу» синим троллейбусом-«тройкой». А мне сейчас куда? Мне еще долго крутить педали с заездом в «крамныцу», Юля. Да, в магазин, за солью, мать поручила. Сколько точно? Да минут сорок, не меньше, катить на верном товарище «ХВЗ», если напрямую, по Тополянскому шляху, мимо консервного завода «Плодоовощ», мимо засолочного завода, за швейную фабрику, минуя Конный базар, вплоть до Холодной горы. Никогда там не была? Пробел в твоём образовании, землячка!

Хотя, честно говоря, что там смотреть? Может, и хорошо, что до сих пор не была. Наша бедняцкая Холодная гора. Одно названьице чего стоит... Там, в полном беспорядке, вдали от шума городского и ласковых глаз архитекторов разбежались по взгоркам и долинам частные домики и даже бараки времен первых пятилеток. На самом высоком месте стоит наша хага, которую мы никак не покинем, хотя бате обещали уже сто раз бумагами из горисполкома вот-вот улучшить квартирные условия как участнику Великой Отечественной войны, к тому же орденоносцу и человеку, нуждающемуся в регулярном лечении после тяжелого ранения. Но ту нашу двухкомнатную квартиру на улице Чкаловской, где мы, по рассказам родителей, благополучно жили-поживали до войны, в доме над известной всему городу 28-й аптекой, отдали какому-то приезжему Герою Советского Союза, полковнику в отставке Орлову, а папе отказали на том основании, что он, оказывается, во время войны не платил за жилье квартирную плату.

— Они что, офуели там? — орал в подпитии на воображаемых чиновников гвардии капитан Афанасьев. — Ты, Семен, чего молчишь, чего ты не скажешь этой зажавшейся звездобратии, что пока ты на Ладоге три месяца мордой в болоте голодный лежал, потом блокаду прорывал, здесь была оккупированная территория, кому было жировки платить, Гитлеру? Или Гиммлеру? Почему ты им свои раны, награды свои не предъявишь, ты же член партии!

— Это только со мной он храбрый, этот член, — поддакивает мужу тети Ньюс мама. — А с начальством у него язык сразу в одно место втягивается...

Обо всем этом я, конечно, ничего не рассказываю Юльке. Еще чего не хватало, семейные тайны с не очень-то близкой, отдаленной от мирской суеты барышней обсуждать. Я и Челите о нашей жизни домашней ничего не говорю, хотя с ней-то... Ну, ладно...

У нас все-таки какой-никакой, но домишко, доставшийся от маминых родителей. А послевоенный люд, действительно, живет еще хуже — кто в землянках, кто в фанерных хижинах, где цементный пол-доливка. Есть инвалиды, вообще, бездомные, несчастные люди, которые по ночам на вокзале, по углам укладываются, а с утра пораньше днем за милостыней на своих убогих каталках с колесиками из шарикоподшипников отправляются... Эх! Какой лютой беды наделала она, война распроклятая...

Подтягиваются опаздывающие пассажиры к синему троллейбусу. Есть еще несколько минут, пока сомкнутся за входящими створки дверей. И Юлька, держа за поручень, торопится выложить все, что сказать хотела, да не успела или не решилась. Тараторит, как из пулемета, глядя себе на ноги, не поднимая на меня глаз.

— Думаешь, я не видела тогда, как ты возле нас с Жоркой крутился? Подглядывал в окошко, знаю. Ну и пусть, тогда еще решила, пусть. Понимаешь... Мама, особенно после потери отца, очень хотела, чтобы я за Жорку замуж вышла. И мне Атоянц папу нашего напоминал, такой же щедрый, размашистый, веселый... Иван другой — скрытнее, скарее, расчетливее. И... злее. Ты бы знал, какие он мне сцены ревности устраивал в отпуске. И в письмах такое пишет, как будто я последняя блоха, а они в казарме там ангелы и то, что о женщинах говорят, их право, не считаясь, больно нам это слышать — не больно. Но я же мама его дочери, одна тяну такой воз и не допытываюсь, что за девки там около их птицефабрики слоняются, он сам с отцом по пьянке проговорился... Дескать, были бы только песо да пенис, а этого добра нам во как хватает... Эх! Успел, паразит, тогда, в колхозе, первым ко мне подлезть, когда кругопляс в Остролучье затеяли. Ой... Поехали... Пока, Валерочка, пока!..

Мне бы вслед Юльке прокричать то, что запомнил: «Жду, Юль, на проводы, 16-го вечером, я встречу и провожу». Но не успеваю. Троллейбус трогается. А Юля напоследок очень отчетливо артикулирует: «Спасибо тебе, Болеро! Ты классный...»

Так, по крайней мере, я смог разобрать ее прощальные слова, которые часто-часто вспоминал потом в беспросветные караульные ночи, охраняя самолетную стоянку на продуваемом всеми колючими ветрами уральском военном аэродроме под Челябинском. И в дневное время, слоняясь дежурным по роте в пустой казарме. Да что греха таить, вспоминаю и до сих пор...

Город Гавана.16.XII.64г.

Здравствуй, Валера!

Ты пишешь, солдат, что на первых днях попал в лазарет. Когда-то я тоже на четвертый или пятый день залетел в санчасть после нашего мягкого климата. Была простуда — что-то вроде ангины. Но я долго там не продержался, начал с медсестрой шухарить, и меня просто выгнали оттуда. А я еще с граж-

данки не привык, чтобы мною командовали да еще такая звездюлина, как медсестра. Смылся там разок в больничном халате в кино, а она заложила. Ты пишешь, что надеешься служить на одном месте до конца? Я лично со стопроцентной уверенностью могу заявить тебе, что никогда ты три года не будешь на одном и том же месте. Когда-то я тоже начинал около Киева, а побывал в Овруче, Корыстине, Бердычеве, под Волгоградом в Копьярах, опять в Житомире, Киеве, в Ленинградской области, в городе Пушкине и, наконец, Москва — Гавана... Из Кубы попаду, наверное, в Одессу или Севастополь. Вот видишь, география, а ты хочешь на одном месте. погоди, тебя еще помытарит эта проклятущая жизнь. Кстати, напиши, какие носишь эмблемы, для меня это будет достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы. Подозреваю, попал ты в Войска Дяди Васи? Как там? «Никто, кроме нас!» Я видел этих пацанов на ученьях, когда мы были в «Кантемировке». Ты-то сам уже видел, что они творят на полигоне? Мама не горюй. Там один такой шестерых салабонов уложит и седьмым накроет...

Ну, не знаю, как у вас, а у нас здесь начальники стариков не щадят. Вот опять обрадовали: выходит, по графику я должен заступать в наряд как раз на Новый год (устряпали по благу!) с 31 декабря на 1 января. Понял, ананас? Видел бы ты их ананасы... А кактусы! Сказка. Только вот людей на птицефабрике у нас маловато, приходится одному пахать за всех. Ладно, пронусь. Скоро пригонят молодежь второго года, тогда и мы должны будем отчалить. Фотоки твои я получил, должен тебе сказать, в форме ты и Лебедь очень изменились, ведь все ж таки скоро будет три года, как мы не виделись. Ты просишь у меня фотоки, но они такие же слабые, как у тебя. По уставу, конечно, не положено, чтобы старик ужодал или выполнял просьбу молодого, но уж для тебя, как для старого друга, я уже высылаю. Первая и вторая — это мы сфотографированы в Гаване. Где я один — это возле дворца Фиделя Кастро, а вторая — в баре, пьем с одним местным корешом — они к нам все здесь хорошо относятся — сосо-со. До свидания, Болеро! С приветом, Ваня.

24.XII.64.

Город Гавана.

Привет из Кубы!

Фотографии я твои получил. Смотрю на них и сразу видно, что молодежь есть молодежь. Ведь у вас же новая роба, и вы должны быть, как огурчики, а вы стоите с Лебедем перепуганные и жметесь друг к другу, как последние разгильдяи, особенно ты, все висит, как на военнопленном. Не кормят, что ли? Ну, ничего, Болеро, не грусти. Мы еще с тобой погоняем мячик против засумской шпаны, какие наши годы! Когда станешь стариком, будет другое дело, сравнишь свои фото и скажешь салагам: зелень, гляди сюда, я тоже был когда-то молодым. Посылаю тебе поздравительную открытку собственного производства, там в объектив случайно попала одна местная чувиха. Оцени габариты. Да? Много распространяться не имею права, сам должен понимать. Передавай привет всем нашим пацанам, поздравляю всех с Новым 1965 годом, желаю вам всего самого хорошего в новом году, а главное, чтобы мы обязательно встретились в новой пятилетке! Пиши!!

Город Гавана, 20.1.65 г.

Привет из Кубы!

Значит, Валера, я был прав в своих худших подозрениях? Ну, держись теперь, крылатая пехота, там дурь умеют вышибать...

И снова нет старикам послабухи, без раскачки погнали на прошлой неделе всю птицефабрику на окружной смотр строевой песни. Представляешь? Но мы

дали копти, на этом конкурсе заняли первое место! Смогли всем вставить фитиль! Получили кубок, грамоту. А самое главное, генерал...ный директор поощрил нас выездом на пляж Варадеро. Это за 120 км, новое место, мы его раньше не видели. Ну, Болеро, это нечто, ну, зае...завоевательское! На каждого из нас выдали сухой суточный паек, чтобы не скулили, а проезжая через города, устраивали нам остановки, ходили, осматривали их фавелы... Все описать не могу, расскажу при встрече.

Рядом с пляжем Варадеро, в двух км от него, находится дача американского миллиардера Дюпона. Мы и там побывали. Ну это просто дворец Шехерезады. У него парапеты, лестничные клетки и перекрытия все сделаны из красного дерева. Перекрытия ребристые с художественной резьбой. Ну и мебель, конечно, бесподобная. Сейчас в этой вилле находится ресторан «Америка». Нафоткались мы там, приедешь в отпуск домой — покажу и расскажу еще кое-что. Ну вот и все мои похождения.

Нам уже привезли дембельские чумаданы (Ванька упорно так и писал слово чемодан через «у»). Я уже купил себе. У нас на фабрике очень трудно с чумаданами. Кубинские очень дорогие, до 60-65 песо, а советских не хватает. Вывоз планируется с марта, а там кактус его знает... Точно так, как у вас старики, так и у нас на Новый год, ночью, проорали мы три раза: «Службе «пипец!» Да и отметили мы, я думаю, не хуже ваших стариков, писал же тебе, тут друзей на местный ром... букет ромашек... хватает, был бы только песо...чек! Привет Лебедю!

Пиши, мне все интересно, тем более, в твоём красочном изложении. Жму 5!
Ваня.

Не знаю, что уж такого красочного нашел тогда Иван в моих письмах к нему. Я благодарен другому: по прошествии стольких лет, даже десятилетий, уцелела у меня после всех бесчисленных переездов, перипетий, передряг, смены жен и адресов маленькая записная книжечка, ставшая наверняка раритетом — армейский дневничок. Я посмотрел на обложку — что там написано? Артикул 807. Ну, это ни о чем не говорит. Дальше. «Мисто Кьїв. Фабрика білових і поліграфічних виробів Кьївського раднагорспу. Цїна 15 коп.» Значит, привез я ее в армию с собой, ту записную книжечку производства фабрики беловых и полиграфических изделий Киевского совнархоза, купленную где-то за те еще, за те брежневские 15 копеек, на которые можно было в 1960-е годы сходить одному в кино на дневной сеанс или купить одно мороженое в вафельном стаканчике, или — только не лопни — выпить 15 граненых стаканов «чистой» газировки, без сиропа. А если добавить еще одну копейку, то купишь четыре шипучих стакана с клейким малиновым сиропом. Или приобретешь пять школьных тетрадей, хоть в линейку, хоть в клеточку. 15 копеек... Столько стоила одна буханка хлеба и пол-литра молока, если я не ошибаюсь? Да... А что такое сейчас 15 копеек?

Кроме записной книжки, были у меня в вещмешке из стоящих предметов еще электробритва «Харьков», теплые кожаные перчатки — все же угрюмый, стильный ноябрь стоял на дворе, недорогие мужские часы «Слава», подаренные братом за успешное поступление в строительно-монтажный техникум, который он тоже заканчивал на шесть лет раньше меня — что-то еще? А, наверное, крем для бритвы и после бритвы, одеколон, помазок...

Нас, новобранцев, построили в военном городке возле низкой приземистой солдатской бани. И сержант-осетин со щегольскими усиками на румянном личике велел всем сложить вещички на предусмотрительно расставленные скамейки — «Заберете свое добро потом, после помывки». И — справа по одному, шагом марш, вперед!

Как и другие пацаны, все наиболее ценное я вложил лично в руки кавказцу — на всякий случай, пусть, мол, у вас побудет, мало ли, а я тогда через часок заберу. «Ти миня запомнила?» — был доброжелателен недостаточно владеющий русским языком сержант к каждому, кто доверчиво вкладывал немудрящую утварь непосредственно в руки ему, младшему командиру. «Конечно, запомнили», — улыбались мы в ответ своему, по всем видам, парню.

Чистые, вымытые, загодя, еще с гражданки подстриженные под «ноль», впервые наломав пальцы, неумело пытаюсь протиснуть черт знает из чего сделанные пуговицы — то ли пластмассовые, то ли металлические — в узкие петельки на гимнастерках и такие же, не поддающиеся пуговицы, в гульфики на штанах, именуемые старшиной шароварами, враз ставшие похожими друг на друга, как близнецы, в своих «хэбэ» и кирзовых сапогах, напыленных на смятые комом портянки, выходили мы из бани за своими рюкзачками, лежавшими на лавочке. И тихо млели от ужаса. Раскромсанные, распотрошенные, вывернутые наизнанку до последнего сухаря, до остатнего пряничка и банки консервов, взятых на дорожку, валялись наши вещмешки: какой на лавке, какой под лавкой, какой далеко за лавкой. Словно промчалась здесь час назад злая стая оборзевших, оголодавших волков, хищно поджиравшая все на своем пути.

Так мы узнали первый принцип дедовщины — хапай у ближнего все, что можешь... Но все же, не теряя надежду вернуть хотя бы подарок брата — часы (уж шут с ними, перчатками, одеколонами, даже электробритвой, куплю в «Военторге» безопасное лезвие), разыскал я вечером за ужином в огромной столовой того самого красавчика-сержанта с вытянутыми в узенькие стрелочки усиками. Спросил, где часики-то мои, «Слава»?

— Ти меня запомнила, да? — смотрели не на меня, а на заглянувшую в столовку дебелую тетку-буфетчицу стальные глаза младшего командира, образца для подражания: аккуратно подшит на гимнастерке беленький подворотничок, красуются на погонах три красные лычки, чуть шире уставных, к тому же не матерчатые, а пластмассовые, в рюмочку стягивает талию кожаный курсантский или офицерский, но только не дерматиновый солдатский, ремень...

— Так точно, запомнил! А как же? Я вам лично отдал перед баней часы «Слава», еще перчатки, там, еще и ребята...

— Слава? Я откуда знаю твоего Славу? — под торжествующий гогот своих дружбапов-однополчан на высоких тонах визгливо вершит диалог сержант. И резко командует: «А ну, марш на место, гусь лапчатый! Разнылся тут. Слава...»

Бессильно сжимая кулаки, давясь подступающими слезами поплелся я к своему опустошенному уже столу на десять гавриков. Туда, где на прожженной клеенке стоят в ряд оловянные миски с недоеденным зеленоватым пюре, сваренным грубыми комками, валяются чуть надкусанные, обгрызенные скелеты бывшей рыбы хек, приложенные к паршивому гарниру. И нет ни единого кусочка сыроватого серого хлеба, унесли его пацаны «доедывать на добавку», перед отбоем, в казарму...

Первый солдатский ужин состоялся. И так будет все предстоящие три года? Но это же полный форшлаг!

Кто-то несильно хлопнул меня сзади по плечу. Я оглянулся. Губастый, невысокого роста «старик» с широкими борцовскими плечами протягивал мне из-под полы часы «Славу» без наручного ремешка.

— Ты это, слышь, не фуфырься и не бесись. Понял? На сердитых воду возят, — опережая все мои слова — благодарные, негодующие, недоумевающие — первым заговорил Толик. Протянув сильную в рукопожатии ладонь, он так представился: — Толик. Сибирский парень из Красноярского края. — И зла на стариков не держи. Сам через три года точно таким будешь, если не хуже. Рот закрой, не звез-

ди. Это все мы клятву в первый месяц себе даем, никогда не обижать салабонов. А потом сам увидишь, откуда что и возьмется. Убедишься, меня не раз вспомнишь: сегодня бы вы всех дедов табуретками закидали, а когда сами стариками станете, точно так же на дембелю бушлаты новенькие у молодых заберете, кителя, шапки зимние, шкары... Давай лапу, кончай обижаться...

За тот крайний месяц, что старший друг мой, Толик, дослуживал в полку, он трижды выпросил у отцов-командиров меня в неположенное салагам увольнение. И мы ездили с ним попутным автобусом нашей в/ч на другой конец города, в какую-то очно-заочную школу, где, представляясь Анатолием Ходаковым, я сдавал за сибиряка-детдомовца экзамены по немецкому языку, русскому языку и литературе, истории. Напрягался за него, чтобы Толик мог уехать в свои заснеженные просторы с заветным аттестатом зрелости.

Авторитет мой в глазах стариков вырос с ходу, как на дрожжах. По вечерам, после поверки и отбоя, они сами звали меня в каптерку на долгие песни под гитару, добрячий закусон с толстыми котлетами, шматками стыренного в офицерской столовке во время наряда сала, мяса, солеными огурцами и квашеной капусткой под неперемный «стограммович». Соточку, добытую известными только им путями, скорее всего, через вольнонаемных сердобольных поварих, с которыми и мы потом — придет час — заведем свои макли. Плыл сигаретный дымок, пелись вполголоса песни, и нескончаемо тянулись задушевные беседы о напрочь подзабытой ими гражданке, свежие новости о которой они жадно готовы были слушать хоть до утра. Что там носят теперь штатские? Расклеванные брюки? Надо старикам написать, пусть закажут... Китайские плащи-пыльники или итальянские болоньи? Сколько же стоят эти шмотки, если по отдельности?.. А у меня до сих пор плащ габардиновый, куда его теперь? Это же в Москву придется ехать, в нашей деревне ничего не купишь?.. А обувь? Чешская фирма «Батя»... Ясно, что ни хрена не ясно... А фильмы какие крутят в кинотеатрах? О, разрешают, значит, и французские, и итальянские. Ну, понятно. Бабы там, небось, в полном порядке на экране?.. Слышь, хрыч, что молодой рассказывает... Что читает молодежь?.. На какую работу, куда берут дембелей? Водителями троллейбусов? Понятно. А слесарей? Токарей? Монтажников-верхолазов, не знаешь? На новую ТЭЦ? Что и говорить, да, с грабками оторвут? Ну, тогда дай краба, пацан, утешил стариков. Ты молоток, наливай, поехали...

06.01.65. Итак, началась служба. Карантин пройден. Из нашей пятерки земляков остался только я с Юркой Лебедем, как и в техникуме, или в школе ДОСААФ, куда он меня притянул. Мы в учебном взводе роты связи, получаем вдобавок к своей шоферской специальности радиомеханика. Сегодня второй день занятий, старлея нет, с обеда как ушел в канцелярию, так и сидит там, шпилит с командиром роты в шахматы. Надо будет и мне с ним как-нибудь сыграть. На службу не обижаюсь.

09.01.65. Сегодня дневалю по гаражу. Воскресенье. От Челиты ни одного письма. Закадрилась? Или выкаблучивается? А обещала... Время идет непонятно. Дни летят быстро, а впереди еще ой-е-ей... Толик прислал из дома письмо на десять строк и фото с барышней, ничего себе сибирячка, плечи, как у него... Обещает снабдить кедровыми орешками. А у меня новый приятель — молдаванин Руссу. Буду с ним учить «молдове лимбэ». Волосы на голове после бритья растут клочками, а прошло полтора месяца... Неужели буду как батя? Зачем только мы с Юркой решили побриться наголо, дураки? Ну, беда не велика, по городу еще не скоро ходить, думаю, отрастет...

15.01.65. Никогда радость не держится долго. Сегодня получил благодарность с занесением в личное дело за наряд на кухне. И первый удар: Юрку переводят в

другую часть. И он виноват за свой язык, и я тоже, полез за него заступаться перед ротой охраны, кулаками замахали... Это очень тяжело. Я к Лебедю крепко привык, все же мы с ним почти 6 лет вместе. Хороший он парень, и вот на тебе... Неужели фортуна повернулась женой? Не дай бог!

19.01.65. Вчера получил от стариков посылку, много нужных вещей, какие и просил. Даже книжки мои недочитанные прислали. А вчера на плацу был смотр. Получил «4». Проводил смотр начальник штаба училища полковник Перфильев. Уши у него треугольные, как у кролика, из-под папахи вылезают торчком, и не мерзнут, хотя папаха над ними. Наверное, гусиным жиром смазывает перед улицей. За то, что не спросил разрешения стать в строй, приказал старлею наказать своей властью. Вот же скука!..

31.01.65. Прогнулся железно! В караул не иду, дневальным тоже, это за то, что отремонтировал входные ступеньки в штаб и три дня красил в канцелярии мебель. А что там ее красить? Старлей о наказании забыл, да и прошло уже 10 суток, значит, все в порядке. Сегодня в клубе танцы. Драю бляху асидолом, подошью новый подворотничок и кирзу свою приведу в божеский вид, ноженки вы мои косолапые... Руссу дал свой «Шипр». Люкс!

Как же от этого «Шипра» бедный наш Генка Святодух блевал в карантине, когда выкушал с горя полстакана: родители ему написали, что барышня выходит замуж за другого... Стоп! Несут почту. Зуб даю, раз сегодня в обед плавало в борще три листика лаврушечки, значит, будет три письма: от предков, Челиты и Ивана... О! Какой же вы пророк, сэппрр! Шаман! Предсказатель!

Город Гавана. 10.02.65г.

Привет из Кубы!

Валерка, здравствуй!

Да, я, действительно, скоро должен покинуть Остров Свободы, а могу за это время и коньки отбросить от скуки и тоски. Последнее время вся наша птицефабрика находится за колючей проволокой и никуда ни шагу. Ты же читаешь газеты? Вот теперь начальство и сыт, чтобы никаких ЧП. Сами гуляют всюю, а нас тараканят во все дырки. Придумали соревнование в троеборье, повели стариков на подъем с переворотом на количество раз. Мы заняли первое место, а завтра пойдем бегать кросс на три км со снаряжением и после этого еще останется полоса препятствий. Это все специально, чтобы легче вести контроль за нами и никто не улизнул в смв. А ребята походы усилили, вполне понятно: чувихи рядом, за забором, чем мучиться тоской о доме, лучше погулять с живым товаром...

Что ты опять спрашиваешь про Дюпона? Я же писал тот раз: американский миллиардер. Раньше на Кубе власть была в руках Батисты, а он был американский ставленник. Зимой приезжал сюда на свою дачу, а потом снова чесал в США. После революции барбудосы его дачу национализировали, и в ней сейчас находится фешенебельный ресторан «Америка». Вот и все. А насчет фоток ты, молодой, обнаглел окончательно, сам-то мне что шлешь? А тебе дворцы да пляжи подавай... Я, конечно, шутя, Валера. А серьезно, фотки мы не делаем, т.к. на Кубе нет закрепителя. Купи мне два пакета фиксажа. Он бывает в цилиндрических трубках, но такого не надо, такой ты не вышлешь, а бандероли к нам не принимают. Есть закрепитель в зеленых бумажных пакетах, стоит он недорого, копеек 15-16. Опишу тебе, как переслать мне. Возьми пакет и разомни его руками, так, чтобы порошок лег сравнительно ровно по всей поверхности пакета. Очень сильно не мни, т.к. в большом пакете внутри его есть еще маленький пакетик, который ты можешь разорвать при «разминке». Потом возьмешь две простые открытки и с двух сторон пакета проло-

жишь их. Но для того, чтобы не ссунулся порошок в одну сторону, этот пакет с двумя открытками густо прошьешь нитками. После всего все это дело положишь в простой конверт и адресуешь мне. Если получится толстовато, то не страшно, клади в конверт и высылай, многие ребята таким образом уже получали. Сейчас я приблизительно нарисую тебе, как все сделать, только очень прошу не откладывать в длинный ящик, нужно все срочно... Я уж и Жору просил, но он молчит, попугай хренов, а мою книгочейшу не допросишься, то ей некогда, то боится мне навредить... Забеспокоилась...

Ванька и всегда-то был стильный парень, поскольку папины зарплата, полковничья пенсия позволяли одеваться единственному сынку по самой распоследней моде. Вот и на снимках с Кубы, где «работникам птицефабрики» дозволялось щеголять в гражданском, партикулярном платье, Иван вообще выглядит сказочным франтом в зарубежных нарядах. Смотришь на его цветастые кубинские сорочки с невиданными позументами, расписным орнаментом у ворота и вдоль коротких рукавов, на свитера и джемпера тончайшей шерсти, но грубой вязки — каждый с гордым отложным воротничком, необычной формы пуговичками или редкими для той поры молниями-застежками, на светлые брючки-дудочки, подпоясанные шикарной кожаной сбруей, виданной нами лишь в редких американских фильмах, например, «Великолепная семерка», на узконосые мокасины — и поневоле вспоминаешь ту разудалую песню «Ай да парень», некогда сочиненную дружным русско-еврейским дуэтом поэтов-песенников Ивана Санина и Якова Фельдцера:

По проспекту, словно манекен,
Вечером эффектный бродит джентльмен.
Все отдаст вам лодырь и барчук
За цветастый стильный галстук и за каучук...

Ивану отдавать ничего не надо было, «цветастости» — галстуков, сорочек, маек — вдоль всего побережья Варадеро, как он мне писал, хватало с избытком, были бы только в кошельке баксы, пиастры, франки, песо, любые мани-мани всех стран и народов, даже, кажется, рубли СССР. Которые, хоть и с опаской (где, в каком банке их потом обменяешь?), но все же принимали предприимчивые местные лавочники. Ванька немало добра привез после службы для дома, для семьи, не забыв и мне домой занести обещанные сигары в кубинской картонажной упаковке, которой потом мама не уставала любоваться, показывая ее лишь самым близким людям, например, тете Нюсе. Как ребенок любимую игрушку, так и она бережно хранила ту ароматизированную упаковку в нижнем ящике платяного шкафа — самом своем заветном схроне.

Но Ивану до возвращения к родному причалу оставалось еще три месяца и... восемь писем.

Город Гавана, 4.03.65г.

Здравствуй, Валера!

Пишу тебе в отдыхающей смене в карауле. Но, ничего, скоро все это закончится. Конечно, я понимаю, для тебя время жутко тянется, особенно, когда подумаешь, что впереди еще целых три года. Но, откормочник ты уже прошел, в смысле, карантин отбыл, присягу принял, видишь, вот так денек за деньком и движется. Я лично скажу, что для меня мой срок пролетел быстро, может, из-за постоянных разгездов. Другие пацаны об этом только мечтают, как и мы, когда сопливymi совсем торчали в Бердычево, а к нам приезжали старики из ЧМО (знаешь, части материального обеспечения), привозили новую технику. Ездили они по всей стране, девок в теплушки подсаживали на станциях, с

буховкой проблем у них не было, да и приворовывали на стоянках в эшелонах у соседей, что могли, — где арбузы, где дыни, где вино... Порассказывали тогда...

Жаль только, у всех у нас молодые годы все равно уходят, а их назад не воротить, как в той песне «Прошлое не воротится и не поможет слеза, как целовать мне хочется дочку твоей глаза...» Только не «твоей», а своей! Юлька мне написала, что ты с ней встретился, и вы хорошо поговорили? А между нами отношения, как лампочка Ильича, с каждым разом все больше накаляются. И если бы не Светка... Но дочка очень хорошенькая, незаменимая... А так давно послал бы я свою жиночку на хутор бабочек ловить... Через три месяца окончательно сообщу тебе, что решу. Ты зря думаешь, что я смеялся над твоими строками о семье, жене, дочке... Честно говоря, я даже немного удивился, что ты, недавно пришедший с гражданки фуцан зеленый, так правильно и логично рассуждаешь. Ну, я всегда знал, что тебе ума не занимать... Этикетку от фиксажа я получил вместе с твоим письмом. Если ты просто высылал в конверт порошок, то это хана, потому что большой шум. Я же тебе описывал, что надо в салофановый (так у Ваньки. — Авт.) или хлорвиниловый мешочек и после чего прошить его нитками, как матрац. И чем гуще, тем лучше. Я так и не понял, ты мне фиксаж уже выслал или только собираешься выслать? Пишет ли тебе стройбатовец Шуля? Он там же, под Ленинградом? Большой стариковский привет от меня ему и Юрке Лебедю! Пиши!

С приветом, Ваня.

06.04.65г.

Валерка, здравствуй!

Я не знаю, как ты там паковал, но фиксажа я от тебя не получил. Фотография — да, дошла, очень тебе за нее благодарен. Ничего, что слабенькая, какая есть, у меня полно таких же, собственного изготовления. Май, наверное, придется встречать на Кубе, хотя никому из нас не хочется, все рвутся домой. Кто приезжает в Союз, уже не дослуживает, сразу дембель, независимо, сколько ему осталось. Зачем ты хипешишься со старшиной, командиром взвода, какую справедливость ты им докажешь? Притихни хотя бы на время и ничего не нарушай, они же в первую очередь постараются сплавить с глаз подальше непокорных разгильдяев, а оставить на старом месте тихоньких и послушных.

Мой тебе стариковский наказ: зарекомендуй себя только с хорошей стороны. Даже если тебя всего корежит — козыряй «Есть!», а там выступишь или не выступишь — другой вопрос. Только не лезь сразу в дудку со своим характером, ты понял? Никому твой характер не нужен, держи его при себе, тогда все будет в норме, перед любым чудачком прогнешься. Ты уж извини старика за нудьгу, но мы же сами прошли все эти университеты на своей собственной шкуре, пока не задубели... Ну вот и все. Старайся заслужить отпуск домой, тогда благополучно отметим все былое и предстоящее. Пиши, я еще здесь, отвечу. Всем привет! Ваня.

Как было не послушать мне, солдату-первогодку, стариковский наказ-командирский приказ? Тем более, старшего друга... Прислушался, изо всех сил подавляя в себе врожденный инстинкт сопротивления злу-насилию. Листаю все ту же записную книжечку, где стерлись начисто за минувшие полвека разлинованные «клеточки»...

«Был в карауле. Прогнулся железно, без нареканий. В армии все начинаю понимать в ином свете, действительно, «высшая школа жизни». И слабак тот, кто смог откосить от действительной. Послал стих в «Красный воин»: окружная газета нашего округа приглашает к сотрудничеству. Жду, что будет. Хотя бы напеча-

тала! Пошлю старикам, Челите, Ваньке. В Ленинскую комнату газеты приносят по три экземпляра, вырежу втихаря...»

«Мишка Грязнов пишет, что комиссовался. Гений?! Прыгал он под Казанью с 800 метров на полигоне и неудачно приземлился на голеноstop, сразу лег в госпиталь, а там что-то обнаружили с веной... Ну, арап, ходит теперь в шинели с погонами по городу, всем пацанам объявляет, что он «покупатель молодняка», набирает команду. Братва поит его, чтобы устроил все как надо... Но ведь и харю побить могут, когда разоблачат?»

Комвзвода Савин объявил благодарность всему нашему отделению за караул, а Витьке — благодарственное письмо на родину. Но это кино... Витька Бурчалкин вчера чуть бабку-нищенку не пристрелил на посту; она в метель поперла прямо на склады, заблудилась, когда в свою деревню топала, и не слышала старая, как он ей орал: «Стой, кто идет, стой, стрелять буду...» Перла и перла через ограждение. Да и Витька в темноте — что различит? Передернул затвор, но, счастье бабки: перед караулом Витька очень густую смазку загнал в свой СКС — заело. Бабка жива осталась, а Витька из-под караульного навеса-грибка тревожную смену по рации вызвал. Те примчались, как гончие. Все равно, Витьке награда!»

«Благодарность за кухню. Растем! Хорошо, матушка научила тонко картошку чистить, не подвел ее сынок в наряде... Из «Красного воина» ответили, что учиться надо стихосложению. И правильно! Сегодня иду в караул разводящим. Это уже в третий раз. Доверяют, значит! Через пять дней конец зиме, а там и учебе конец. Скоро экзамены. Грозятся раскидать нас в разные полки. Но, теперь уж будь что будет. Как говорит вологодец Бурчалкин: «Хватит нас уже пужать, мы уже пужатые».

«Давно что-то не писал. Некогда. Экзамены сдал на «отлично», старики и взводный просили за меня у начальства оставить на прежней базе, но сменился, как назло, комроты, стал наводить свои порядки. «Он сказал: «Поехали!» И пульнули нас 12 человек в одном вагоне вдоль по Питерской... Ничего. Взяли на вокзале три бутылки по 0,7, пока доехали — хватило. Познакомились с обстановкой. Старшина козел, сразу видно. Мы порог казармы еще не переступили, а уж он орет: «Строиться выходи!» А ребята ничего, нормальные, осваиваемся...»

«Материальная часть системы связи и радиосветотехнического обслуживания полетов — завал полный: до сих пор здесь в ходу партизанские наплетные «пердушки» Р-811, выездной СКП (стартовый командный пункт) базируется на доверенных ЗИСах, а машина ЗИС это два рога вперед, трубуха вниз, в аккумуляторное отделение никто никогда не заглядывал, а там на батареях «иней» вырос толщиной в палец... Работы невпроворот. А тут еще стала расти моя лысина. Поехал в госпиталь к подполковнику-дерматологу. Говорит, отец у тебя лысый? Лысый. Так отцу уже почти 65. Ну и что, наследственное.

Приписал дарсонваль какой-то. Медсестра по 15 или 20 минут водит стеклянными трубочками по башке, а толку? Говорит, для закрепления луковиц волоса. Кошмар, полысеть во цвете лет... Кому я на хрен нужен буду? Сама ты луковица!»

«Утренние полеты начинаются часа в четыре, сначала выпускают самолет-разведчик погоды. Приходится ночевать на аэродроме, в РСК, для поддержки связи. Руководитель полетов, комэск-2 Алик Земляковский — весь такой прибрятенный, молодой, а уже в Йемене повоевал, там, где и Юлькин отец, учит: «Присматривайся, видишь, над столовой дым пошел? Куда он повалил? Какой «влево»? Это ты от жены будешь ходить «влево». А у нас это — «ветер северо-западный, умеренный»... Скорость сколько? Верно! 2-4 метра в секунду...»

Вечером, после ужина, читаю мемуары Эренбурга, это что-то замечательное, я его еще больше полюбил. Как Симонова!»

«Семь месяцев «ратной» в полку прошло! От Челиты уже три недели как ни привета, ни ответа. Мишка Грязнов написал, что видел ее в техникуме, когда она с «Эпюром» любезничала. Могло быть! И мне она крайний раз черкнула, что есть в нашей «академии» вакансия ассистента, хочет узнать, устроиться. В «Красном воине» тиснули первую мою заметку «Молодые специалисты». Аж не верится. Сто раз перечитал. Фамилия моя! Даже гонорар прислали — 1 рубль 44 коп. Каиф! На сигареты. Жара стоит в июле — ужас. В увольнение ходили с Юркой, закадрировали двух школьников, обещали прийти в следующий выходной. Посмотрим. Ротный вчера вызвал потолковать по душам, направил осваивать телеграф, обещает большое будущее... А нам что? Ночь простоять да день продержаться. Там увидим-с! Но с техникумом здесь, в самом деле, только я да Юрка».

Город Гавана, 27.04.65г.

Привет из Кубы!

Здравствуй, Валерий!

Конечно, должно быть наоборот, т.е., ты мне, как старику, должен был прислать письмо, но ты предпочитаешь почему-то отмалчиваться. Служба за...бодала? В общем, выношу тебе, как старший по званию (сержант), дружеский выговор! Пару слов о себе. Живу и работаю на прежнем месте, здоровье нормальное. Единственное, так это в прошлое воскресенье играли в футбол на кубок гарниз... птицефабрики с соседями по местоположению, и дяди-танкисты побили нам всем ноги, как только могли. Техники никакой, но костоломы исправные. Мы надрали их, как котят, 3:0 в первом тайме, а во втором судья-гад поставил нам пенальти ни за хрен, с «точки» пропустили, а потом с офсайдов еще два, когда они у нас всю защиту переломали. Завтра переизровка. Пацаны наши, болельщики, клевый плакат подготовили, там трибуны скиснут со смеху. Стоят в полный рост три мужика голожопых, м...я прикрыли ладошками, и подпись: «В строю стоят советские танкисты: начпрод, начхим, начальник ГСМ!» Морды им намалевали красками, точно, как в кино: Трус, Бывалый и Валбес...

Погода тут творит, что хочет: по-прежнему проливные дожди и жара не спадает. Нормальный коктейль — что скажешь? Молодежь пригнали, ходят они все смурные, привыкают, рожи у всех красные, как вареные раки и вдобавок с облупленными носами. Ну, конечно, когда их везли из Рязани к нам, у вас была зима, а тут сразу прихватило пекло. В мае придет еще одна партия, может, и мне удастся тогда попасть на нее. Но пока неизвестно. Короче, в августе точно буду дома, уж на третью партию я должен попасть обязательно. А пока тут на мне отыгрываются некоторые князья, тоже за мое возбуждение (не один ты, Болеро, непокорный). Суют старика в караул, в праздничный день могут в наряд поставить под предлогом, что молодежи мало. А мое какое дело, не моя форья терпела, не мой красный чумадан, кому хочу, тому дам. Ищите молодежь... Но им разве что докажешь? Лады, это семечки.

Вот я уже закупил 50 пачек сигарет из высшего сорта кубинского табака, на Октябрьские приезжай в отпуск до ридной хаты, смажем настоящего гаванского рома и покадим на пару с тобой, Валера, встретим праздник на высоких тонах! Сердечно поздравляю тебя с праздником весны 1 Мая! Ну и вообще всего тебе самого хорошего! Будь здоров. И напиши, что ты знаешь о наших бабах? Вроде бы Верка Рагулина, Тамарка Несветова и Валька Потанькина замуж вышли, не слышал? Валька классная баба, я бы с ней с удовольствием это... задачи по статике порешал! Привет Лебедю! Говоришь, к нему отец прикатил? Ну, салажня, вы даете! А тут папа и не снится... Пиши скорее! Ваня.

Было такое дело, приезжал на пару дней к Юрке Лебедею отец. Никакой он не начальник, вовсе не из блатного сословия человек, обычный шофер машины-хлебозовки. Как уж он умудрился в нашу в/ч 36628 «Л» добраться (по командировке или за свой счет), чем добирался (поездом или на рейсовых автобусах, но только не самолетом, это уж точно) — не помню, спрашивал ли я у Юрки, а врать и по прошествии лет не хочу. Помню только, Владимир Петрович Лебедев постоянно причесывался, приглаживался, реденькие рыжеватые волосенки на изящной, кукольной лепнины головке, умащивал, всем мило улыбался, ласково щурился, не сводя по-женски красивых коричневых глаз с собеседника. Но было в его вроде бы невинном взгляде нечто не совсем приятное, лисье, что ли, такое. Вкрадчивое. Первый раз я это заметил, когда он долго и прочувствованно извинялся за то, что не успел, не навестил перед отъездом моих родителей, чтобы прихватить у них для меня что-либо из гостинцев.

«Ну, ничего, ничего, Валерик, вы, с Юрочкой земляки, с Юрочкой нашим стол разделите, мама ему тут столько всего упаковала»...

И мне, пацану по сути, пришлось его, взрослого дядьку, успокаивать. Дескать, ничего, с голода мы тут не пропадем, рядом со столовой работает буфет очень хороший, а с Юрой, да, конечно, спасибо, угощусь...

В то же время не мог не думать: от Юркиной улицы Красногвардейской до моего дома на Холодногорской ходьбы — десять минут вялым шагом. Я утром по пути в техникум всегда за Лебедем заходил, да и обратно мы всегда с ним шагали вместе. Но интересно другое. Однажды, посчитав, что рядом никого нет, папа Лебедев втолковывал своему отроку нечто очень важное, может, даже наиглавнейшее в жизни. И голос его звучал не льстиво, медоточиво, вкрадчиво, а жестко, цинково, убойно. Тогда, пожалуй, впервые я понял, что такое двойственность человека: внешне — аббат, а внутри — дьявол...

— Юрик, не заводи здесь никаких друзей! Все друзья сволочи. Не делись ни с кем. Поставь посылку в каптерку, захочешь угоститься — зайдешь сам потихоньку, покушаешь, спрячешь — и все. Лишнего не болтай даже с этим, однокурсником своим. Стены тоже имеют уши, кто его знает, твоего приятеля, что за человек... А эта сволочь лупоглазая, да, Виктор, рядом с твоей койкой его койка, он откуда? Из Чувашии? Ну вот, я и смотрю — не русский. Значит, свинья. Никакого ему ни мыла, ни расчески, ни одеколona не давай. Спрячь все под коробкой на нижней полке в тумбочке. Старшине передай от нас ту коробку конфет шоколадных, что с бантиком. Тоже сволочь, но власть есть власть, она от Бога... Смотри, Юрик, оставляю тебе двадцать пять рублей, ни одной копейкой ни с кем не делись. Эти сволочи только в долг брать горазды, а на отдачу, как в той пословице: «Когда ему надо занять, он тебя разок в задницу поцелует, а когда тебе надо забрать — ты его сто раз туда поцелуешь...»

После ухода Лебедеи, боком-боком, на цыпочках я пробрался между опутанным колючей проволокой кирпичным забором и огромным мусорным ящиком в дальний угол спортплощадки, где наткнулся на вездесущего старшину Афонина.

— Вы что здесь делаете?

— Да вот, товарищ старшина, осматриваю фронт уборки, завтра нам заступать на территорию.

— Так. Ну-ну. А сейчас объявите всем построение. Действуйте!

В неполные 18 лет наш ротный старшина, тогда простой типографский рабочий, ушел добровольцем на фронт. Под Бреслау получил немецкую пулю в грудь навывлет. И врачи, спасая ему жизнь, приговорили парня до конца дней ходить с палочкой. Тросточкой. Стеком. А он в свои 43 бегал с нами по второму разряду на лыжах, каждое утро в любую погоду — зимой, весной, летом, осенью — добирался в военный городок из своего поселка Донское, шесть километров до «цели», пешком. И тут же, после подъема, бегал с нами на утренней физзарядке зимой ли, весной, ле-

том, осенью пять кругов по двухсотметровому кольцу армейского сквера. Иногда на завязавшийся спор — буфетное пирожное — пробегал и больше: только грудь часто-часто вздымалась от перегрузки, чуть открывая под расстегнутой гимнастеркой глубокий шрам на некогда распаханной скальпелем хирурга коже.

Мы ахнули, впервые увидев, сколько наград было слева и справа на парадно-выходном обмундировании у старшины в первомайский день перед торжественным маршем. Такой с виду затрапезный мужичок маленького роста? Очки... Не шибко громкий, хотя и властный, умеющий отдавать команды голос... Комическое привставание на цыпочки, когда намерен кого-то наказать за проступок...

Грустно. Только это правда: много лет спустя после ухода в отставку Александр Романович Афонин погиб на железнодорожном пути, спасая заигравшихся на рельсах маленьких девчонок-двойняшек, дочерей подвыпившего обходчика, беспечно помахивавшего в те минуты флажком бесшумно накатившему на перегон грузовому составу.

Афонин успел оттолкнуть девочек в сторону от рельсов. Раскатились по гравийно-песчаной насыпи только что собранные старшиной в лесу грибы... Орали что есть мочи перепуганные насмерть девчонки... Подламывались колени у бегущей к ним из приусадебного участка матери... На глазах покрывался седым туманом клоч смоляных волос железнодорожника... С ржавым скрежетом стонали, вопили, надрывались, сотрясая вагоны, устройства экстренного торможения... А старшине уже никто и ничто не могло помочь... Честно говоря, от него и хоронить было нечего. Но воинский ритуал земляки соблюли. И салют военкоматской команды над старшинской могилой прозвучал из восьми самозарядных карабинов Симонова троекратно, как положено. И на поминальном обеде столько было сказано о нем, участнике войны, отце и деде, добрых, проникновенных слов, какие не выдумаешь...

Такую вот жизнь прожил простой русский человек Афонин Александр Романович, делавший за три года из хилых, слабых, разболтанных, угреватых пацанов сильных, закаленных солдат. Воинов и мужчин... Когда я стану второкурсником журфака Воронежского универа, в 1974 году, в областной газете «Молодой коммунар» напечатаю победивший на факультетском конкурсе свой очерк об А.Р. Афонине «Берегите старшин!» Там о нем все.

Да! А за то, что я тогда соврал ему насчет осмотра территории, получил от старшины две недели неувольнения из расположения части.

Лучше бы наказание растянулось на год, честное слово. Не произошло бы тогда моего дурацкого знакомства, не случилось бы того, что случилось, когда началось все со встречи с той «школьницей». Какая уж там она была школьница... Пророчествовал же Иван! Но в двадцать лет кто умнее всех? Родители? Сестры-братья? Друзья-товарищи? Да ну... Сам. За это и кара.

Город Гавана, 04.05.65г.

Привет из Кубы!

Валерка, здравствуй!

Письмо твое получил, за которое очень признателен, а отправить свое не смог, потому что потерял твой адресс (так у Ивана) новый. Валера, я так расстроен, что все из рук валится, и не знаю, что писать. Через три дня придет вторая барка на погрузку, уже набрасывают списки, кому отплывать, так что можешь представить, какое у меня сейчас состояние после того, как недавно пособачился с одним штабистом. В отместку зазнал он меня сегодня вне очереди в караул, иду, а очко играет, хоть бы не попутал кто, когда я его по фене крыл при встрече... Пока все. В следующий раз напишу точно, поехал я или остался... Будь здоров. Лебедю привет передавай. До свидания! Ваня.

Привет тебе, Болеро!

Наконец что-то прояснилось и вроде бы в мою пользу. А я торчал сегодня на посту и слышал, как гудел ТУ-114, сам про себя подумал, от тебя получу письмо. Так и вышло. Фиксаж так и не дошел, да я и сразу понял, что не придет, потому что ты высыпал его в конверт. Говорил же, 2 мешочка или пакетика сложи, прошей часто-часто нитками... В общем, пленка готова, придется взять ее с собой, чтобы напечатать снимки в Союзе. А кадры шикарные: пляж Варадеро с местными красотками, дача Дюпона... Ты своими глазами бы все увидел. Ну, ничего, дотягивай свой срок, парень ты холостой, дома у тебя все в порядке, вернешься — придумаем, как дальше будем жить.

У нас, стариков, об этом сейчас только и разговоров. Все увлеклись литературой, конечно, художественной, читают только про молодых баб, про жизнь молодежи и на те самые темы, где больше бросают палок. После отбоя старики долго не спят, куревают, ржут, когда каждый начинает рассказывать, что прочитал у своих Мопассанов и Флоберов, конечно, не полностью всю книгу, а острые моменты, как там парочка сношалась, где мадемузелям целену пахали и т.д. В общем, товарищ младший сержант, поздравляю тебя с новыми лычками, служить, правда, тебе еще, как медному котелку, но, не ты первый, не ты последний, прослужишь! Главное, будь здоров и береги нервы, они нам на гражданке пригодятся. Привет Юрке Лебедю и Витьке Шуле, если ты ему пишешь... Жму «5»! Пожелай мне схватить за хвост удачу. Пока не пиши, чтобы не получилось вхлобыстос, я сам черкну...

С приветом, Ваня.

Дни летят, — почему-то красными чернилами начал я тогда свою очередную дневниковую запись, датированную 29 июня 1965 года. — Уехали старики, Салий, Валеев, хорошие парни, нам они были как старшие братья — без рукоприкладства, с необходимыми подначками... Те, что остались, особенно Бунаков, всем кость в горле. Вчера он нажрался в самоволке с каким-то гражданским, приполз в казарму через забор ночью в порванной гимнастерке и вместо пилотки на балде... шляпа. Обменялся, говорит, с корешем. Блевал до утра на соседскую койку, прибежал майор — дежурный по части (кто-то стукнул) — оттащил с дневальными Бунака на «губу»... Утром гляжу, весь синий, дрожит мелкой дрожью и метет под конвоем двор, весь мятый, небритый...

А я уже капитально освоил телеграф, подменял всю неделю штатских служащих — никаких нареканий. Клавиатура сидит в голове как таблица умножения. «Гордюсь!» Завтра надо будет во что бы то ни стало вырвать увольнение, иначе осталась только самоволка для встречи с Лидой. Мутный какой-то получается у меня с ней роман, нужен ли он мне? А ей? Хочу посмотреть на нее попристальнее, разобраться. Да! Начинается здесь отличное дело — вечерняя школа при нашей в/ч, будут 9-й и 10-й классы для солдат и «макаронников»-сверхсрочников. Я с ходу записался, а Лебедь не захотел — как хочет... Буду ходить с Женькой днепропетровским, отличный парень! Играет на баяне, занимается пятиборьем, это притом, что до армии год отбыл на «малолетке» за хулиганство, драка...

28.06.65. В «Красном воине» напечатали «Срочно на линию!» Получил гонорар и с пацанами в отдыхающей смене караула целый день шпилили в буру. Выиграл 4 рубля! А все бабы — шаболки, мягко говоря. Я с Юркой еле-еле выпросил увольнительную у ротного, потому что не наша была очередь, но ребята пошли навстречу. Прождали с Юркой почти час у почтамта, купили заранее мороженое — угостить, хотели потом в кино сходить, а они, засранки, не пришли. Ходим с Юркой

злые, как волчары... Да еще дневальный учудил: не оставил нам на ужин порции, хорошо, у каптерщика был притыренный хлеб да сало, врубили по паре бутербродов, а то бы вообще копец.

Город Гавана.

Валерка, здравствуй!

Ну вот наконец-то и мой дембель настал. Сегодня в 14-00 по гаванскому времени будет посадка на теплоход «Мария Ульянова». Писать, собственно говоря, нечего, сам должен понимать, в каком я состоянии. Короче говоря, еще разок осталось экватор пережить и...

Маршрут Гавана-Ленинград, а дома я должен быть числа 25-26. Вот еще осталось половину Земного шара проехать и на этом конец моим скитаниям. Ну вот и все. До свидания, Болеро! Приеду — напишу тебе, что там у нас и как. До встречи на Родине!

С дембельским приветом, Ваня.

И первый, и второй год солдатской службы, да, кажется, и третий год меня преследовал один и тот же страшный сон: вроде бы прихожу я в канцелярию своего родного техникума, чтобы получить диплом и прилагающийся к нему «академический» значок. Но милейшая Тамара Ильинична, с которой мамуля познакомилась и сдружилась в эвакуации, и которая просто спасла меня на втором курсе от неминуемой «пары» за год по математике с последующим вышибом из стен среднего специального учебного заведения, растерянно разводит руками и говорит: «Валерочка, ты же у нас дипломный проект свой не защитил...»

— Как не защитил? — ору я в ответ с напряжением всех поджилок, жил и сухожилий. — Да вы поднимите архив, там же семь моих полных листов ватмана чертежей, пояснительная записка на 70 страниц, рецензия независимого эксперта на строительство 43-квартирного жилого дома по улице Перекопской... Правда, одно замечание существенное: у меня кровля раньше стен появилась. Но я потом исправил технологию...

И я просыпаюсь в холодном поту, оступело вспоминая, что было-то на самом деле? Защита состоялась? Ну да, конечно, состоялась. Я выступал с рефератом первым из группы в последний день защиты. Банкет был в честь окончания «академии»? А то! Еще какой... Синие корочки, распахивающиеся в отличие от вузовского диплома не вертикально, а горизонтально, и синий эмалевый с золотым гербом значок в муаровой коробочке звучу вместо болевшего директора нам вручал в актовом зале. Вручал! То есть, потерять драгоценные документы при своем щепетильном отношении к архивам я никак не мог. Значит? Значит, как лежали все мои, даже давно не нужные, документы дома, в верхнем ящике платяного шкафа, так и лежат завернутые в большой почтовый конверт и ждут моего возвращения. Спи спокойно, сержант. До побудки еще не скоро, целый час...

Старшина, рысцой пробежав свои шесть километров и прибыв в полк чуть свет, примет рапорт дежурного по казарме. Первым осторожно тронет за плечо меня: «Поднимайте роту!» Пока я сонно буду тереть глаза и почесываться, сидя на койке, старшина негромко прикажет обоим дневальным: «Во время физзарядки откройте окна, хорошенько проветрите помещение. За ночь тут каждый из вас выпустит грамм по несколько, к утру дышать нечем...» Гогот дневальных окончательно избавляет меня от сна.

Рота, подъем! Оправиться. Строиться на физзарядку!

16.07.65. Приехал с полковых учений. В глазах как песок насыпали. Трое суток почти без сна и жратвы (все на ходу), засыпая в кабине урывками, мотались за триста километров, обеспечивали телефонную и телеграфную связь летунам, всем трем эскадрильям, а мои хэбэ и книжечка тут затерялись. Ну что ты будешь

делать, кк-кипит твое молоко у меня на примусе... Вздумалось, видишь ли, кому-то из начальства по всем казармам генеральную уборку устраивать, полы мастикой натирать, окна мыть, койки переставлять. Какого-то высокого чина из округа ждут. Вот и покидал каптерщик в общий котел все, что на табуретках после тревоги лежало. А мы-то рванули тогда на выход в комбинезонах, оставив хэбэ у тумбочек, потому что объявили не учебную, а боевую тревогу. Слава Богу, нашлась пропажа. А сколько психовал! Самый верный друг сейчас это ты, моя записная книжка.

На прошлой неделе послал на конкурс в газету здоровенный опус «Смейся, Жень!» Со страхом жду результат. И если напечатают, что мне Женька скажет? Я только одну букровку в его фамилии изменил, на всякий случай написал Бобрин вместо Добрин, вдруг что, скажу: художественный вымысел, имею право. Это я прочитал горьковские «Советы молодому автору». Ох, как же стыдно стало за написанное раньше. И еще больше появилась охота писать. И сколько еще надо читать! А в горячке службы, когда старшина только меня одного и видит, сует во все дыры то туда, то сюда, когда за книжки браться? Это предельно трудно, да еще не чаю избавиться от трех последних «стариков». Вот же сущее наказание, скорее бы они убирались за ворота, японский бог! По подъему не встают, в наряды не ходят, по отбою не ложатся, сидят, курят да базарят в бытовке, днем валяются на койках, жрут да с...т, а мои ребята-одногодки все видят и на меня посматривают, как, мол, сержант, слабо, дедами-то командовать? И старшина не вмешивается... Действительно, значит, первый год втягиваешься, второй привыкаешь, а третий год ни хрена не служишь? Даю себе слово, избавлюсь от стариков — буду работать волком, грызть немецкий, писаниной заниматься.» Сделать жизнь значительно трудней!» (Маяковский).

Добрую сотню писем получил я от Ваньки Кольцова за время его армейской службы в разных точках и концах света. А из дому он прислал мне сразу по приезде одно-разъединственное письмецо, потом, правда, месяца через два — другое. И все. «Песня вся, песня вся, песня кончилась», — когда-то это было его любимое присловье в конце рабочего дня, в пору нашей работы на кукурузных полях подшефного колхоза....

(Если даты в письмах не указаны, значит, он их не ставил, не считал нужным).

Город Псельск.

Здравствуй, Валерка!

Сообщаю тебе, что я уже демобилизовался и нахожусь дома. В городе из старых почти никого не видел, кроме Челиты — столкнулись с ней у кассы в «Гастрономе», она что-то преподает вечерникам и заочникам в нашей «академии», а что — я так и не понял. Наверное, как надо правильно ахаться (шучу)... Но вид у нее уже бывалый, честно! Не обижайся только.

Зашел я во двор техникума, там молодежь мячик гоняла. Погутарил с нашим физруком, Петром Савельичем. Он до сих пор тебя добром вспоминает. А то! Сколько мы тогда кубков, грамот приперли, вспомни. Говорит, Нина Филипповна по-прежнему одна, целкует, никого к себе не подпускает. Завуча выгнали по звезде мешалкой, в какую-то халтуру он влез при ремонте крыши, чуть в камеру не угодил. Директор наш, Кучмий, уже два месяца в больнице, ему все, коньки отбрасывает, наверное, рак ползучий. Жаль дядьку, такой был здоровый мужик, безвредный. «Эпюр» — святоша, все мораль нам проповедовал, сопроматчик хренов, а сам, оказывается, поехал в мае с двумя проститутками в Мамаевщину с ночевкой. Там нагвоздился с бабами в дымину, и пошли они ночью через лес, купаться при светлячках. И по пьянке хорошо напоролся он

где-то на сучок, выколол себе глаз, так теперь без одного глаза и ходит. Его лично я еще не видел.

Да, встретил я в городе Жору Атоянца. Идет по «Сотке» весь такой заму-ченый, грязный, как беспризорник. Меня увидел — хотел в сторону кинуться, как вроде стальной должен. Я ему говорю, ты че, придурок, совсем, что ли, окостенел? В общем, слово за слово, взял я пару пивка. Посидели у скверика Шевченко. Жора с папой купили бэушный авторефрижератор, но не убитый, на ходу, хотяг его хорошенько протянуть, подремонтировать (потому он и ходит таким неумытым), и заняться развозкой товара с мясоптицекомбина-та. Понял, как надо в жизни устраиваться? У Жоры с Инкой пацаненок, Ти-мур, она опять беременная, хотяг настрогаг еще двоих, чтобы получился полный боекомплект. Он чумовой какой-то стал, Жора, все время глаза пря-чет, на часы поглядывает... И это называется — три года кореша не виделась? Да иди!

Сегодня хочу сходить к тебе домой, отдать твоей мамаше на хранение сига-рет и сигар. Давай, приезжай в отпуск поскорее и, если попадеш под такое время, что будут деньги, то гульнем от души. Пока думаю съездить к род-ственнымникам в Белоруссию, в какой-то город Жлобин. Там батины однополчане живут, зовут баллона и меня к ним на охоту, но он одного меня посылает, поохотиться на уток. Представляеш, Болеро, как будет весело? Что у тебя нового? Привет передавай пацанам. Пиши! Ваня.

Да... Да, Ваня, кореш дорогой... Одна только проходная строка в предпослед-нем письме нацарапана у тебя об интересе ко мне, что, мол, там у салаги нового? Черкнул из вежливости. А так — все о себе. Это я два с половиной года, пока сам кирзу не надел, развлекал тебя, утешал, потешал, делился новостями, поддержи-вал, когда снадала грусть-тоска и с перебоями билось измученное ревностью серд-це молодого мужа.

А вот тебе, демобилизованному, вернее, уволенному в запас воину (демобили-зация в стране была только один раз, в 1947 году) теперь сразу стало не до меня. Другие появились интересы: куры, утки, куропатки, охота в Беловежской пуще или куда там ты поедеш отпуск свой проводить... И почему-то ничего ни о Юль-ке, ни о дочке. Неужели разбежалась? С него станется... А Жора, да, артист, гла-за прячет. Есть, конечно, причина, почему от бывшего дружка прячется. Впро-чем, у него и всегда-то были печальные глаза, взгляд артиста с неудавшейся кар-ьерой... Ладно. Они там люди гражданские, пусть между собой разбираются. Раз-берутся. А у нас, военных, своих проблем хватает.

Пишу в своей записной книжечке на политзанятиях, а замполит полка ново-сти рассказывает. Оказывается, в Китае живут китайцы, Волга впадает в Каспий-ское море, а лошади едят овес. Все равно, белобрысый чуваш Витя Улаев, кото-рый спит всегда, обходясь без простыни под жаккардовым одеялом, а ест, не моя рук, слушает его с открытым ртом, как мессию, да оно и понятно: у парня в знача-ке всего лишь три класса ЦППШ, потому что жил где-то на конезаводе в деревне Синьял-Котяки, откуда до райцентра Ядрино, где ближайшая школа, пять верст пехом, да все лесом. Конечно, не находишься...

Рядом с Витькой сидит чернявый сынок заместителя министра легкой промыш-ленности РСФСР — это его мама такая шишка — Антон. Высунув язык от напря-жения, он строчит письмецо своей московской подружке. А его неразлучный друг Левка, до армии поработавший в большом ресторане на Остоженке учеником паш-лычника, шепчет сзади, прикрывая рот ладошкой: «Тоха, не забудь передать при-вет Аленке от Эдика!» Это юмор такой...

А Юрка Лебедь, сидящий рядом со мной, так и не избавился от ужасной привычки детских лет: ковыряться в носу! Ну, хоть ты его убей! Вот бы от чего отучать сынка любвеобильному папочке, а не от друзей-товарищей...

«Работы невпроворот, только и сачканешь, что на политзанятиях. Каждый день копаем на аэродроме ямы, ставим столбы и тянем провода для стационарной линии к новому СКП. Дел хватит еще на месяц. Закончил ездить на дарсонваль, толку чуть, хотя дерматолог уверяет, что укрепил луковицы против дальнейшего выпадения волос... Посмотрим. Пока в тревоге, не хватало мне в 20 лет остаться лысым, Ванька на снимках вон какой кудряш... В увольнение ездили с Лидкой на Солдатский пруд, она прихватила пузырек красного, оладушек напекла, толково готовит моя кыця, а я думал — белоручка. Едва патруль нас не накрыл, вовремя смылись... Негайно! Зажал ее в кустах акации, давил-давил, нет, не проханже... Но ну его на бон, такие подвиги, ходить потом в раскоряку... На телеграфе барабану только так, мне нравится. Та же пишущая машинка — пригодится! От сестры пришел перевод на 5 руб., а от муттер с фатером только наставления, как беречь себя и не простужаться. Лучше бы деньгами, советчики... Но это тети Ньюси подрывная деятельность, я знаю: «Ленка, не вздумай высылать ему гроши. Ни копя, понятно! Солдатам и так платят жалованье, им хватает, а он у тебя еще ж и сержант? Видишь! А то, что — что? Думаешь, куда пойдет? На вино и на проституток деньги пойдут. Эти прости господи, шлюхи, везде у казарм шляются. Смотри. Ни копеечки! Лучше посылку ему пошли, сальца заверни, пирожков домашних, коржики, яблок положи, грушек, он любит бергамот...»

Отличная в полку библиотека. За этот год прочитал: (по порядку) — Д. Нагишкин «Город золотого петушка», Иван Ефремов «Лезвие бритвы», «Дон Кихот» две книги, 5-я книга Эренбурга «Люди, годы, жизнь», Натан Рыбак «Пора надежд и свершений», Ремарк «Черный обелиск», «Триумфальная арка», «Люби ближнего своего», «Время жить и время умирать»... Я торчу! А три дня назад погиб курсант третьего курса, я его знал (мама бы сказала: «Тебе на долгие годы!») — Юрка Чемерис, отличный пацан из Брянска, всегда подмигивал мне при встрече, шоколадки таскал в кармане... Дал при посадке его «Илюха» (Ил-68) прогрессирующего козла... Три прыжка на дикой скорости, завал на бок и... Пожарка примчалась, «скорая»... Полеты остановили до выяснения, всех гоняют на строевой как сидоровых коз. Комэску то ли офицерский суд, то ли трибунал, в лучшем случае по партийной линии наладят по базе мешалкой... Пошла параша, вроде как Юрка Чемерис с девушкой накануне расстался, она вроде загуляла, и его нельзя было в таком состоянии допускать к полетам. Да ну, лажа. Я не верю... Но пацана не вернешь. Вот тебе и мирное время. А матери его каково? Жуть!»

Город Псельск.

Привет тебе, товарищ сержант!

Моя поездка в Минск откладывается, баллон оформляет отпуск, тоже решил к дружкам наведаться со мной вместе. Поздравлений с Днем выпускника я в техникум не давал, и на вечер не пошел, не то настроение... Да и кто теперь нас помнит, что мы в этих стенах обитали, мастерские сами строили. Помнишь, Валера, по сварке был у нас преподаватель «Чугун», Чугуев? Орал все: «Не смеяться!»

Когда в Союзе служил, я посылал поздравления, даже на Новый год разок написал Нине Филипповне, а с Острова Свободы я что, кактус пошлю?

Ты спрашиваешь про дочурку? Растет мой Светунец очень хорошенькой девочкой, такая, можешь представить себе, шпана в трехлетнем возрасте... Основное, что здоровенькая, остальное все муйня. Я в следующем письме вышлю тебе ее фото, но только ты посмотришь и вернешь, понял, а то у меня оно одно.

Да, Болеро, наверное, вся моя семья накроется медным тазом. Ведь не зря у тебя интересовался ею. Но ты всегда писал мне, что, мол, все в порядке, но чаще ты писал, что не видел, не знаю... А правильно же говорят: «В тихом омуте черти водятся». Так и у меня получилось. Точных фактов пока нет, матушка шипит — окстись, у тебя ребенок, баллон тоже за нее; говорит, меня из дому выпрет, если что, а ее оставит. Но мне кажется, факты должны быть. На нее лично я давно бы положил с прибором, но мне очень жалко дочку... Да и сам подумай, есть ли такая баба, чтобы кого-то ждала три года? В общем, ну их всех...

Лебедю и Шуле дай мой адрес: если захотят — пусть напишут, а первым я писать не буду. Все вопросы у них, а я что им напишу? Что в Псельске новые троллейбусы пустили, а от памятника Кырлы Мырлы до вокзала проспект прорезают? Приедут домой — увидят сами, и ты тоже увидишь. Посидели вчера с твоей Челитой в «Чаривнице». Все про Кубу спрашивала, ты, я смотрю, чуть ли не под копирку письма ей мои все эти годы перегонял, а, Балеропсан?

В курсе дела твоя баба и про Дюпона, и про Варадеро, и про Кастро... Говорит, какую вы там форму носили? Ну, чувиха! Там же погонов на нас не было, конспирация, мы гражданские специалисты, я и потом подписку давал. Стал ей растолковывать, что в 59-м была на Кубе революция, к власти пришли повстанцы во главе с главным барбудос, Фиделем Кастро. А через год америкосы наложили на Остров Свободы торговое эмбарго, почему я у тебя и фиксаж-то просил, даже этого добра ни шута у них не было... В общем, пока шла моя политинформация, два флакона портвешочка мы с ней и уговорили. Пошел я ее провожать через парк, народу никого, идем, поем:

Слышишь чеканный шаг?
Это идут барбудос!
Песня летит над планетой, звеня,
Куба — любовь моя!

Болеро, нормальная она баба, Челита, хотя и дочка профессора. Прости чувака, но в подъезде мы с ней целовались-целовались, не как брат с сестричкой, покрепче. Потом пошли к ней добавить, предки ее на дачу укатали. Ну и... Я бы и не стал, может, но она сама сказала, что у тебя с ней ничего такого уже нет или даже не было... Я уж не помню, все же после водяры забуханные крепенько были. Просыпаюсь, она рядом... Все бабы ведьмы. Никогда им не верь. Ну вот и все. Привет Юрке и Шуле. До свидания. Пиши. С приветом, Ваня.

Ваня-Ваня! Будучи дежурным по роте, читал я той поздней ночью томик Толстого. Библиотекарь, милейшая Валентина Ивановна, дала мне книжечку на неопределенный срок, хоть до дембеля, лишь бы склеил изорванный корешочек. «Берите, берите, Валерий, сейчас никто уже Толстого не читает». Зря не читают! У Льва Николаевича в книгах ответы на все вопросы. Вот и такой есть: «Когда вас предали, это как руки сломали, простить можно, а вот обнять уже не получится».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Должен, наверное, сразу покаяться: когда только затевалось это мое повествование, я наивно полагал вместить в него, кроме Ванькиных, письма и других моих годков-корешков. Не вышло. Слишком много места отобрал «кубинец» Иван Кольцов. И ждут теперь своего часа не менее интересные пачки писем промелькнувшего на страницах этого романа боксера Кости, солдатской долей которого стала

вначале служба в составе Группы Советских войск в Германии, затем дисциплинарный батальон в Белоруссии и, в конце концов, лагерная зона в Мордовии. А вот исписанные вкривь и вкось листки Витьки Шульженко (Шули), попавшего в секретный стройбат под Ленинградом... Вот письма еще кое-кого из ребят, чьи причудливые судьбы вполне «тянут» на новые повести и рассказы...

А что касается жизненных троп героев этого сказания — извольте.

Женька Добрин вырос до начальника автоколонны в своем городе. Приезжал ко мне в Псельск, случайно познакомился в ресторане с Машей Гридневой и женился на ней, разведенной красавице, в детстве пламенной председателше совета дружины нашей школы. У них трое детей — девочка Рита, от брака Маши с физруком. И двое общих — крепеньких мальчуганов-грибочков, коренастых, лобастых, конопатых — ну, копия папаши, Александр (в память о старшине Афонине) и Валерка.

Нина Филипповна — наша классная дама, вот тоже, дай ей бог здоровья, какие же зигзаги выписывает судьба: уже будучи основательно в годах, чуть ли не под пятьдесят, сошлась с одноглазым «Эпюром». И вот теперь он — Нельсон! — завуч в нашем строительно-монтажном колледже, взялся при строгой жене за ум — никаких тебе по сто грамм с зарплаты с коллегами, никаких «просто подыметь» на лужайке у сквера... «СЕРЕЖА!» И все — бегом к ноге. Ниночке, видите ли, тяжело нести из магазина сетку-авоську с охлажденной тушкой курицы, весом меньше одного килограмма. Позволь, позволь, котик, я помогу...

Прораб Григорий Федорович Щетинин ушел из государственной «конторы», СМУ-5. Подрядился строить дачные домики, гаражи, коттеджи. Живет припеваючи на две семьи, при послушных детях, внуках, нормально общающихся друг с другом. Все обеспечены: квартиры, дачи, машины, щедрые погребки, отдых — не меньше чем на Черноморском побережье Кавказа...

Ну и, наконец, Ваня Кольцов. Жена его Юлия... Полковник-папа время даром не терял; пока сын его честно и достойно нес солдатскую службу, «баллон» прокладывал ему карьеру на областном почтамте, резервируя воину Советской Армии подходящее место. И проложил!

Если вы когда-нибудь окажетесь в Псельске на центральной улице, знайте: широкое венецианское окно и три окна поменьше на углу третьего этажа, между подвесенных лозунгов прошлого времени «Живи, Украину, радянська держава, в єдиний родни народов-братив!» (Живи, Украина, советская держава, в единой семье народов-братьев!) и «Вдова гроши не тримайте, в оцадкаси зберігайте!» (Дома деньги не держите, в сберкассе их храните!), принадлежат начальнику областного почтамта Ивану Ивановичу Кольцову. Кабинет этажом ниже, намного скромнее, занимает начальник экономического отдела Юлия Васильевна Кольцова, дама стройная, величавая, всегда со вкусом одетая, внешне вполне благополучная, приветливо улыбающаяся. А если и страдающая, то в одиночку, даваясь слезами в подушку после каждого шепотка доброжелателей, вновь видевших Ивана в одной компании с управляющей «Промстройбанком» крутобедрой Челитой Витальевой.

Дочь Кольцовых, Светочка, будучи еще третьекурсницей Плехановки, удачно вышла замуж за состоятельного парня-француза, с которым познакомилась на Московском фестивале молодежи и студентов. Живет уже много лет в мире и согласии со своим архитектором Николаем, сыном и дочкой в тридцати километрах от Парижа. И — умничка — вместе с двумя мастерицами сама, своими руками делает эксклюзивные куклы на русские мотивы такой красоты, что за ними в очередь стоят. Впору открывать целую артель, а там и фабрику или комбинат. Где вот только еще таких рукодельниц найти?

Ну, а самая печальная участь постигла Жору — Георгия Симоновича Атоянца.

В принципе, мог бы он в тот промозглый мартовский вечер и не ехать за сто километров в районный центр Ахтырку. Но вроде бы сто кэмэ не расстояние, дорога хорошая, не убитая — асфальт, туда-сюда мотнуться по такому шоссе не вопрос. А завтра суббота — отдохну. Просьба директора тоже много значит, отказаться — значит, искушать судьбу. И тогда прощай ежедневный шмат дармового мяса, куль печеночки да вязка свежайших телячьих сосисочек, к которым так равнодушны Инка, Тимка, теща с тестем. Жорик всей большой семьи кормилец и поилец. Рискнул.

И на полпути, по давно отработанной хитрой технологии, тормознул свой рефрижератор на обочине, не включая ни габариты, ни «аварийку». Не заглушая мотор, полез в холодильный отсек «поддать парку», что значит наоборот — подморозить для увеличения общего веса мясо и мясопродукты. А «поддав», с ужасом обнаружил, что забыл поставить щеколду замка на предохранитель. И стальная дверь отсека захлопнулась за ним наглухо. Тихо, бесшумно и безвозвратно...

Окоченевшего, скрючившегося в комок Жору обнаружили только утром, когда опытный водитель проезжавшей мимо фуры почувал что-то неладное в нелепо приткнувшейся к обочине машине с распахнутой водительской дверкой...

Иван на похороны не попал. Не потому, что не хотел, а потому, что был он в те дни в командировке в городе Жлобине, где крепенько загостил у друзей отца и вернуться к сроку просто не успевал. А Юлия пришла.

Прощаясь после отпевания с закрытым простыней до подбородка Жорой, прошептала она что-то свое, прильнув к неузнаваемому лицу покойного. Узнаваемой была лишь его страдальческая улыбка. Когда-то чувственная, блаженная от избытка чувств, теперь — испуганная и какая-то отчужденная. Отлетевшая вслед за искоркой-душой высоко-высоко в небеса. Небеса синие, чистые, загадочные, молчаливо взирающие с недоступной людям высоты на непостижимый их понимание хлопотливый рой людской.